

Шмелев Владимир

Московский роман

СИРЕНЕВЫЙ БУЛЬВАР

Владимир Шмелев Сиреневый бульвар. Московский роман

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31736481

В. С. Шмелев. Сиреневый бульвар. Московский роман: Издательство

«Лица»; Москва; 2016

ISBN 978-5-980-20-181-4

Аннотация

Семейный роман «Сиреневый бульвар» повествует о странной любви, где предмет обожания маленькая девочка Лиза. Перипетии судьбы героев романа происходят на фоне современных событий с отголоском прошлого и воспоминаниями о будущем. Сиреневый бульвар место не самое известное в Москве заслуживает большего. Здесь разворачиваются события романа. Сиреневый бульвар один из главных героев.

Содержание

Глава I. «Как же мира мучительно хочется»	5
Глава II. Любовь неслыханной простоты	74
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Владимир Шмелев Сиреневый бульвар. Московский роман

© Шмелев В. С.

© Издательство «Лица», 2016

* * *

*И в душистую тень
Где теснится сирень,
Я пойду свое счастье искать...*

Глава I. «Как же мира мучительно хочется»

День только начинал угасать. Весеннее солнце еще радовало глаз, окрашивая все в неповторимый цвет ожидания новой жизни, пробуждения природы.

Воздух, напоенный прохладой весны и запахом набухающих почек, будоражил что-то забытое, какие-то неясные чувства, дремавшие зимой. Разум говорил о долгожданной свободе, когда можно будет скинуть вместе с одеждой усталость от короткого дня и долгой ночи и, наконец, вновь насладиться солнцем.

Ожидая троллейбус там, где 9-я Парковая пересекает Сириневый бульвар, образуя перекресток, напротив знаменитой стелы, посвященной первому спутнику Земли, восхищаюсь любимым монументом. Он стоит на массивной белой железобетонной основе – подставке, абстрактной формы, напоминающей фантастическую птицу, с широко расправленными по кругу крыльями. Стремительный завиток, изображающий поток воздуха в форме спирали, состоит из вздыбленной серебристой линии, рассекающей атмосферу, широкой снизу и сужающейся кверху. Она включает в себя ярко-красные, поперечные сечения, что венчаются на стыке блестящим металлическим шаром с характерными торчащи-

ми сзади антеннами. Спутник – символ эры космонавтики.

Опасался, что снесут. Стоит, тревожа разум трепетной мыслью, что можно преодолеть земное притяжение. Поразительная экспрессия движения линий вверх дает надежду когда-нибудь обрести межпланетные, галактические знания. Человеческое воображение воспрянет, избавившись от пут, мешающих познать непостижимое.

Природа удивительна, приход весны всегда праздник.

У павильона на остановке шепутные воробьи, ватагой высыпавшие на солнечное тепло, без умолка что-то чирикают, больше всех, казалось, были рады солнцу. Голуби искали оттаивающие лужи, барахтались в них, ворковали, целовались. Первые грачи подавали свои голоса откуда-то сверху, похоже, с небес.

Люди по-разному воспринимали весну, на лицах многих отражалась игра солнца, что слепила, радовала, кого-то раздражала. Одни прятали глаза и лица, другие, напротив, подставляли солнцу. Мимо шли смельчаки, рискнувшие одеться легко, смело, броско, почти по-летнему, без головных уборов, в солнцезащитных очках. Молодые ребята и девушки, перепрыгивая лужи, громко смеялись, в их глазах была весна.

За солнечным великолепием, как-то не сразу разобрал возбужденные голоса двух женщин, что доносились с самого крайнего места на скамейке в глубине павильона, за фигурами людей, плотно стоящими передо мной. Они говори-

ли, словно, не слыша друг друга, стараясь убедить в своей правоте. И что-то непримиримое и нервное, не оставляющее равнодушным, было в их речи.

– Вот она, эта весна, будь она неладна. Опять призыв. Армейский замах на моего парня. Вот куда ему бежать ума не приложу. Где схоронить? Откупиться нечем. Врачи бесплатно непригодным не признают.

Это отчаянный вопль правды со своей колокольни. Народной колокольни, где другой звон, далеко не малиновый. День и ночь слышен человеческий ропот, что как девятый вал, начинающийся с ряби морской глади, не ровен час, перерастет в бунт.

– Да пусть идет, – резко отвечала ей другая женщина, навьюченная сумками, уставшая и взлохмаченная. Хоть год на твоей шее сидеть не будет, и харчи дармовые, тоже не тратится. Войны с Украиной не будет, не самоубийцы же они, – горячо убеждала она.

Женщина демонстративно резко стала подбирать под берет красного цвета выбившиеся седые пряди.

В этих движениях была решимость, что явно не доставало соседке по скамейке.

– Чего сюсюкаться, с ребятами надо по-мужски. Я вон четверых подняла одна. Вышколила их так, что они женатые, с семьями, по струнке у меня ходят. Сейчас к младшему еду, невестке помочь, третьего мне родила. Не будь последней душой потакать бездельнику. Маменькин сынок, может, ты

ему до сих пор сопли вытираешь. Армия им только на пользу, там живо научат, как Родину любить, человеком сделают, лень из него вышибут.

– А если душу? – чуть ли не плача продолжала мать. – Жалко, дитя то одно, а там порядка нет. Он не выживет, не выстоять ему.ломают его. Еще чего сделает над собой.

– Ничего с ним не будет, – оборвала ее собеседница, – вот, поверь мне. А быть дезертиром! А если посадят, лучше будет?

– Господи, что же ты меня стращаешь?

– Надо было растить парня, а не пальму.

* * *

Меня невольно раздражала незамысловатость таких выводов. Хотя сознавал у каждого свое понимание этого сложного времени. Дух войны витает над Европой, отвратительный и мерзкий, преступный, издевающийся над человеческим разумом, не поддающийся логике. Оголтелый, лишенный морали, понимающий только силу.

Тревожные чувства ожидания, все может быть, ничего не исключено. Люди чутко прислушивались к гулу духа войны с опаской: как бы он не перекинулся, не проник в их дом, тогда беда.

В просвещенный гуманный век убивают людей только за то, что решили жить, как посчитали правильно, не отрека-

ясь от своего прошлого, своих отцов, что освобождали Европу от фашистской нечисти, поднимали Украину из руин, отстраивали Киев.

Воинственный дух отдавал душком национализма, ненавистью, насилием, обескураживал неприкрытым цинизмом и вероломным неприятием другого взгляда на будущее.

Коварный дух войны проник в Россию, где люди с замиранием, отвращением и болью следили за истреблением славян, посчитав происходящее своим общим горем. Об этом невозможно не думать, даже глядя на долгожданную весну из яркого солнечного света.

* * *

Люблю Сиреневый бульвар, его аромат, толчею, торопливость. Архитектура несовременная, невыразительная, убогая. Как правило, пятидесятых – семидесятых годов: хрущевки, брежневки и даже шлакоблочные дома, построенные пленными-немцами сразу же после войны, с претензиями на барокко, с элементами соответствующего стиля, с лепниной на фасаде домов. Несколько типовых школ, украшенных над входом барельефами русских писателей. Интересны дома с символикой советского времени сталинки, со звездами, серпом и молотом.

Когда весна возьмет свои права окончательно, все украсит зелень, прихорашивая бульвар, делая его привлекатель-

ным. Расцветет сирень. Её так много, сиреневое море. Кусты растут небольшими островками, вокруг которых культивируемую почву ровным кругом обрамляет газон. Нередко прячась в затаенные листвою места кто-то бесстыдно справлял нужду. Были и такие, что скрывали там свои пламенные чувства, объятия и поцелуи под роскошной кроной. Сирень белым или сиреневым куполом дурмана нежно накрывала влюбленных.

Сирень разная: белая, сиренево-бледная и яркая. Век ее короток. Быстро выгорает на солнце, морщится и осыпается. Романтики с грустью замечали, что она недолго радовала, но были и такие, что даже не обратили внимания на праздник сирени, ее цветение.

Кто тайком, а кто не стыдясь, ломали ее пахучую, несли в дом, ставили в вазы, банки, втягивали носом, восхищенно восклицали: «Какой запах!»

Кавалеры пользовались моментом цветения, дарили букеты своим дамам. Каждый день свежие. При этом уверяли окружающих, делавших замечания, мол, что вы не даете природе себя проявить, это же варварство ломать деревья!

– Да ей только на пользу: быстрее обновляется, отрастает новыми ветками.

Сирень – сама любовь. Упоительно одаривая все окрест своим неповторимым ароматом, обволакивая им, словно ласкает незримыми руками. Сладчайший, редчайший запах любви, нежности, с тонкой грустью и нотками печали по

быстро проходящему времени.

«Любите меня», – говорит она, – «пока я цвету, пока я горю чувствами и желаниями».

Роскошная, ослепительная, каждым соцветием пышных сиреневых гроздей, она стремится сделать вас счастливым и подарить хотя бы на мгновение чувства безмятежности.

Хозяева собак, близлежащих домов облюбовали Сиреневый бульвар для выгула своих питомцев, те, в свою очередь, спешат сюда на встречу со своими приятелями, виляя хвостом, проявляя дружеское расположение, бывало, и злились, друг на друга лаяли.

Мамы с колясками и малышами постарше, что ведут за руки. Старшие спешат показать самостоятельность: носятся, галдят, шумят. Обычная игра – возня, нередко заканчивающаяся падением, толкотней, слезами.

Сиреневый бульвар – это не бульварное кольцо, что можно назвать бриллиантовым, дорогим, антикварным. Кольцо со знаменитыми памятниками и храмами. И публика там другая, другой дух. Сиреневый – берёт своей необычностью, здесь преобладает одноименное растение. Люди попроще, много приезжих из бывших республик. Кто называет его спальным районом, окраиной, но от того он не теряет своей привлекательности и очарования. Я люблю тебя, Сиреневый бульвар, за простоту, ты не притязателен, не кичлив, скром и мил своей незамысловатостью. Женщина бульвара в лиловом наряде, что благоухает самыми дорогими духами

природы, в мае встречает всех цветущей, сиреневой улыбкой, и никто не в силах не ответить ей тем же. Она, распускаясь, плывет фиолетовым облаком, вспыхивая ледяным белым взором, робко и не спеша цветет сиреневым в наших глазах. Наберу сноп пахучей, понесу его, обхватив двумя руками в светлый майский день, и буду думать, что для счастья мне больше ничего не надо.

* * *

Немало занятного и интересного наблюдалось вокруг монумента первому спутнику Земли. Стараясь быть незамеченными, собирались любители выпить, порассуждать о политике. Алкашня, бомжи самого непотребного вида. Случалось, были чисто, хорошо одетые молодые люди, желающие принять для храбрости.

Напротив, через проезжую часть 9-й Парковой, примечательное кафе «Алло, пицца», желтоватого цвета в три яруса: верхний, вроде веранды, открыт летом. Возле него стояла автомобильчиков желтого цвета, издалека, словно игрушечные, с красно-зелеными шашечками на боку, как у такси. Юркие, компактные, они снуют по бульвару и вблизи, развозя горячую пиццу.

Пришла мысль сравнить кафе с большой собакой, а малолитражки со щенятами, что сосут не молоко, а пиццу. Молодые ребята в спецформе, в оранжевых жилетах, деловито и

расторопно выходят из кухни что в нижнем этаже, с упакованными в термосумки пиццами, быстро загрузив, мчатся по вызову. От них вкусный запах теста, что вызывает аппетит.

Основной, второй этаж, обслуживает посетителей. Завсегдатаи кафе предпочитают открытую веранду, как только позволяет погода. Летом там нет свободных мест. Много желающих полюбоваться видом окрест, вздохнуть сиреневый аромат.

Сиреневые кущи. Не удержаться, чтобы не сломать веточку. Говорят, если умыться цветущей сиренью, станешь обновленной, красивой.

* * *

Однажды был свидетелем, как молодой парень пустил с веранды в сторону стоявшей поблизости девушки, видимо, поджидающей его по уговору, сложенный из салфетки самолетик. Обескураженная вдруг упавшим возле ее ног самолетиком, девушка обернулась и засмеялась:

– Спрятался, а я гадала, придешь ли.

Милая юность, чистая линия овала лица, все черты безупречны, никакой погрешности. Молодость сродни совершенству. Волосы в беспорядке от легкого дуновения. Жаль, с возрастом лицо стирается, трескается, нет уже былой привлекательности, ясности во взгляде.

– Решил пораньше место застолбить, поднимайся, – по-

звал он ее. Здесь такой потрясающий вид на кинотеатр «Софию» и детский городок развлечения. Может, потом на паровозике покатаемся и в кино сходим.

Она появилась на веранде, он встал навстречу ей, объятия и поцелуи. Окружающие отметили, что это не тот обычный поцелуй при встрече одноклассников или однокурсников. Поцелуй по-взрослому, подразумевающий уже не дружбу, что-то большее.

Он был явно рад видеть ее. Ждал этой встречи, может быть, думал о ней всю ночь, представляя в темноте ее обнаженной, ощущая прикосновение к телу.

Молодые люди, более чем раскрепощенные, одетые, как многие, в джинсы и цветные футболки, в кроссовках. Искатели приключений, как казалось на первый взгляд. Достав телефон, по инерции проверили смс сообщения. Попытались сделать заказ на английском языке, чем смутили официанта. Рассмеявшись, сжалились над растерявшимся парнем и изъяснились по-русски.

В ответ официант более чем изысканно ответил также, по-английски, что обескуражен плохим произношением, их безграмотностью. Прежде чем вы хотите блеснуть, будьте уверены в своих возможностях.

– Вы знаете, – заговорила девушка, пытаясь исправить плохое впечатление, произведенное на официанта. – Меня обслуживали в парижских кафе и в Риме, но вы куда элегантнее.

Смысловой посыл фразы был таков:

«Может быть, у нас не совершенное английское произношение, но мы повидали мир и знаете ли, не лыком шиты. Если мы производим впечатление недалеких, то вы ошибаетесь».

– Я понимаю вас, – ответил официант. – Хорошая погода, хорошее настроение, вот и Париж. В отношении языка, простите мою строгость. Я лингвист, заканчиваю университет.

– А вы были в образе преподавателя, – засмеялась девушка, – уже примеряете эту роль.

– Я бы так не сказал, просто не могу слышать, когда говорят безграмотно.

Молодые люди оживленно заговорили о Москве, не уступающей своими красотами ни одной европейской столице, стали восторгаться Сиреневым бульваром. При этом всем своим видом показывали заинтересованность в общении. Официант, удаляясь, с извиняющейся улыбкой напомнил, что он на работе и при всем желании не может поддержать разговор.

Ребята смотрели друг на друга влюбленными глазами. На лицах более чем красноречиво было написано, что они не решались сказать вслух.

«Ты такой милый», – говорил ее взгляд. Сколько в нем было игры и озорства. Девушка была словно сама весна, порывистая, стремительная.

«Меня она возбуждает. Хочется с ней быть. У нее такая

потрясающая улыбка, так и тянет к ней», – думал он, чувствуя, как по всему телу растекается сладостное желание.

– Расскажи, как съездил в Таиланд, почему один? Не предложил мне составить компанию.

При этом попыталась надуть губки изобразить обиду, но не получилось, прыснула смехом и глаза вновь заиграли, как два бриллианта.

– Аааа, – разочарованно протянул он. – Это была деловая командировка. Наша фирма работает над логистикой товаров из Бангкока.

На восклицательный звук «а» оглянулись все присутствующие.

– Вы что, в лесу по грибы, – заметили с соседнего столика серьезный мужчина с дамой. Видимо, в ответственный момент встречи, когда мужчина говорил что-то важное, парень произнес «а», тем прервав его, внеся сумятицу в беседу.

Ребята хихикнув, продолжили вполголоса. Парень, закинув ногу на ногу, казалось, принявший самый расслабленный вид, продолжил:

– Ты в курсе, в связи с санкциями меняем поставщиков? А как твой сетевой маркетинг? Давай вместе рванем в Южную Корею. Ты тоже там не была. Виза не нужна. Посмотрим на цветение сакуры, купим тебе кимоно и какую-нибудь потрясающую вазу. А хочешь на Курилы, там неповторимая природа, как говорят, аналогов нет.

– А хоть завтра, – с азартом ответила она и громко раска-

тисто рассмеялась, вновь обратив на себя внимание. Смелая девушка, без комплексов. Полная желаний она не сводила с него взгляда. Похоже, она готова была ехать с ним хоть на край света.

– Тем более есть схема распространения корейской косметики. Может быть, там у них уточню кое-какие нюансы. Будет проще, делать заказы по интернету. Ты посмотри, на «Софии» новая реклама. Теперь у них помимо боулинга, бильярда, аттракцион «Космический драйв». Вот о чем я мечтала.

Более чем смелая, отчаянная, – подумал я. – Азартная. Такие люди непременно попадают в какие-то истории, в лучшем случае, забавные, но чаще печальные.

– Ты случайно не знаешь, Марьянка поменяла номер мобильного? Звоню, не отвечает. По приезде из Таиланда, зашёл в одноклассники, на ее сайт, вдруг вижу, он удален.

На эти слова парня девушка опустила глаза, с трудом заговорила, подбирая слова. Было видно, что именно, этого вопроса она боялась и избегала, в который раз убеждаясь, что когда стараешься от чего-то уйти, напротив, с этим сталкиваешься.

– Тебе никто не сообщил?

– О чем?

Неужели произошло что-то плохое, – мелькнуло в его голове.

– Марьянки больше нет...

Девушка смолкла, не зная, как продолжить, досадуя, что приходится ей рассказывать о трагедии. При этом глаза ее погасли вместе с пропавшим интересом ко всему.

– Что случилось? – насторожился парень.

– Возле подъезда ее дома убил наркоман, отнимая телефон, наверное, под кайфом.

Досада проявилась более отчетливо. Была расстроена тем, что на эту встречу у нее были другие планы. Теперь какое кино и паровозики!

– Как?

– Вот так. Это стало нормой, в порядке вещей, И никого не удивляет.

Она готова была закричать, вдруг вспомнив, как провожали Мирьянку. Почему я должна об этом сказать? Ни у одного из его дружков не хватило духу.

– За сотовый целую жизнь? – В этой фразе, произнесенной вполголоса было столько горечи. Видно было, что это не умещается в сознании парня.

– Какая-то сволочь из параллельного мира скотов, где не люди, а звери лишил ребенка жизни белым днем. Никто даже не обернулся на ее крик. Камеры слежения зафиксировали, как люди спокойно шли мимо. Хотя, может, она кричала беззвучно. Такое, знаешь, бывает, от ужаса и страха сдавит горло, и ни одного звука не произнесешь. Люди не поняли, все куда-то спешат по своим делам, при этом ничего не замечают, это не значит, что они равнодушные.

– Как же теперь ее «Ванильное небо?» Кто же будет меня смешить?

Губы парня дернулись, в улыбке разочарования. Это было похоже на что-то истерическое, нервное, от растерянности.

– Представляешь, перед отъездом в Таиланд, сбросила мне на телефон свое селфи, где она в модном, винтажном, желтом платье в белый горох, пятидесятых годов. В маленькой шляпке, таблеточке с накидной сеточкой в перчатках по локоть. Потешная, улыбается во весь рот возле раритетной Волги на фестивале ретро автомобилей. В смс пояснила, что ее пригласили, как и весь ее актерский курс из Щукинского училища статистами.

– Она всегда где-то участвовала, старалась заработать в массовках, презентациях, на телевидение, в шоу. Ее же мать одна растила. Мы решили в память о ней издать книжечку ее стихов «Ванильное небо» с ее рисунками. Ты нас поддержишь?

– Какой разговор. Сколько?

– Мы не обговаривали сумму.

– Ясно. Сейчас бы водки, – неожиданно для себя сказал он.

– Мне до сих пор не по себе – продолжала девушка. – Пойдем отсюда, пока не принесли заказ. Просто, побродим по бульвару.

Девушка тоже сникла, куда девалась ее отчаянная смелость.

– Верно, – согласился парень, – желание поесть мороженое пропало начисто.

Сиреневый бульвар место забытья. Он успокоит, как тихая мелодия. Они взялись за руки и медленно пошли вперед, не оглядываясь, смотря друг на друга, еще не в силах забыть потерю подруги.

Играет солнышко, отражается с каждой гладкой поверхности. Солнечные зайчики забавно прыгают, по лужам, стеклам машин, витринам. Может, один из этих зайчиков улыбка Марьянки?

* * *

После печального диалога молодых людей решил, что только в космосе возможно забыться от земных невзгод. Вся надежда на аттракцион «Космический драйв».

У входа кинотеатра «София» стоит из белого камня огромная скульптура, изображающая женскую фигуру, что олицетворяет святую Софию. Это дар болгарской столицы Софии, городу побратиму Москве. Кинотеатр облеплен неоновой рекламой, самых изощренных подсветок. Кажется, здесь есть все, развлечения на любой вкус. Где-то в утробе центра, ходят слухи, было подпольное казино. «София» всегда была местом притяжения, культурным центром Сиреневого бульвара. Выставки, фестивали, встречи со знаменитостями. Люди тянулись сюда, интерес к кино был огромным.

Постоянные поиски лишнего билетика. Помню, сам с трудом достал два билета, чтобы сходить с женой, на показ фильма Андрона Кончаловского, снятого им в Голливуде.

Рядом в детском городке пыхтел тихоходный паровозик, время от времени подавая сигналы, забавно раскрашенный, ехал осторожно, медленно, по кругу маленькой железной дороги. С десятков пассажиров-детей махали руками родителям и были рады, как самому большому счастью. Другие аттракционы были посмешнее. Надувной городок, яркий, зазывной, оглашался ребячьим криком. На горках творилось что-то невообразимое, все сталкивались, падали друг на друга. Рядом, на сплошном батуте, огороженном надувными стенами, детвора подпрыгивала как можно выше, пытаясь кувыркнуться, сделать сальто.

Увы, билеты на аттракцион «Космический драйв» закончились. Раньше в «Софии» был огромный зрительный зал. Сейчас он разбит на шесть небольших, где одновременно показывают шесть разных фильмов, как правило, американских. Голливуд представлен во всей красе.

К слову, о красе. Здесь же, на перекрестке, знаменитый салон красоты «Виктория». Приземистое двухэтажное здание с огромными окнами, с рекламой стильных причесок, маникюра, педикюра и разных омолаживающих лицо и шею процедур.

Женщины надеются стать, посетив его, счастливыми красавицами.

Вдоль бульвара много разных заведений с характерными вывесками: спорт-бар «Допинг», где в витрине вывешена целая коллекция шарфов разных футбольных, хоккейных команд. Здесь же электронное табло ставок, тотализатор работает бесперебойно на законных основаниях. У окошечек молодые ребята заполняют талоны, на предстоящие матчи футбольных команд, с азартом обсуждают, на что менее рискованно делать ставки. Как же хочется выиграть. Это случается редко. Лохи всегда проигрывают, чутья у них нет.

Здесь можно увидеть под одной крышей детскую кухню, где спозаранку толкуются в очереди, позёвывая, молодые папаши. Парикмахерскую. Ремонт обуви, где неунывающий башмачник постоянно что-то мурлычет себе под нос. Ателье с сосредоточенным портным с иголками, большими ножницами примеряет платьице выпускнице. Ювелирный магазин с охранником на пороге. И библиотека, где книги, да и сами сотрудники покрыты внушительным слоем паутины пребывают в сладостной дрёме.

Идешь по милому бульвару, до боли знакомому, каждая травка и каждый листочек родной и такая благодать на душе от мирного неба, солнца, спешащих людей на работу, по делам со своими житейскими заботами. Как же дорог покой в этой привычной суете, толчее и, казалось, в бестолковой жизни. Как дорог нам хрупкий мир благополучия и ускользающая жизнь каждым мгновением, которым мы трепетно дорожим.

Люди, как люди. Обычные люди, как сама жизнь. Свободно идти, дышать, думать, видеть чистое небо над собой, чувствовать жизнь, ее биение, ее пульс, слышать разговор людей, детский смех.

Как же не хочется, чтоб кто-то покушался на это, не отнимал жизни, не нарушал этот привычный ритм. Неужели война, даже выговорить это страшно.

* * *

Весна навеяла в памяти мелодию Дунаевского «Кричат скворцы» из кинофильма «Весна». В связи с этим сразу же возникла мысль о музыке советского периода. Это не случайно. Меня включили в государственную комиссию по разработке концепции создания «Музея СССР». Кино и музыка тех лет, как глоток воздуха, как кислород, дыхание надежды и мечты.

Первомай – это не только вожди на мавзолее, народ, приветствующий власть. Люди искренно верили КПСС, в будущее, шли под марши с цветами и транспарантами: «Мир, труд, май». Пляски под гармошку, радость на лицах от мысли, что «жить стало веселей», так говорил отец народов.

Как громко был воспет простой человек, трудовой народ во всех жанрах социалистического реализма. Вопреки идеологии авторам удавалось подняться до истинных высот подлинного искусства.

В музее СССР должен быть раздел, где будут материалы об авторах романов, пьес, музыки, живописи, что не поддавали власти. Пришло время вспомнить таланты, пропавшие без вести в идеологической пропасти. Разверзлась земля российская, и миллионы пали в небытие.

Пока ждешь троллейбус, чего только не вспомнишь. Война 1905 г. Первая мировая. Октябрьский переворот. Гражданская. Голодомор на Волге. Исход в иммиграцию. Гулаг, рабский труд и страх. Насильственная коллективизация. Разорение деревни. Идея фикс о мировой революции. Вторая мировая. Непостижимая стойкость советского солдата. Победа. Воскресшая Россия из руин покорила космос. Безграмотные управленцы, неквалифицированные специалисты, и зашоренная партийная элита привели к убийственной перестройке. Грабительская приватизация, петля дефолта. Коррозия коррупции. Аборты в норме вещей и незаживающая язва наркомании.

Выйдем на улицу, запоем «Широка страна моя родная», собьемся в колонны и сольемся в едином порыве необъяснимого энтузиазма, с плакатами за социальную справедливость, смело шагнем на проспекты, площади и улицы. Советская музыка, песни не имеет аналогов. Они до сих пор строить и жить помогают. Люди помнят их, поют и будут петь, потому что в них душа, радость, надежда.

На Украине маршировали другие колонны с факелами в руках и масками на лицах. Почему они прятали их, выда-

вая этим свои недобрые намерения. Под бой палок по металлическим бочкам, в гари и копоти от горящих шин, бойцы, подготовленные в спецлагерях, с нашивками, напоминающих гитлеровцев, громили все на своем пути. Они поджигали коктейлями «Молотова» здания, машины и людей. Вакханалия, безумие, отсутствие всякой логики напомнили нацистские шабашки. На Западе об этом молчок. Там создали поле искаженной реальности, где все с ног на голову, вверх тормашками или с больной головы на здоровую. Мирные жители восставшего юго-востока стреляют сами в себя, также поджигают и разрушают свое жилье.

Должно ли это отразиться на стендах музея СССР? Не следствие ли его распада.

Весна, унеси своим половодьем разлившихся рек мелкими ручейками, все, что тяготит память, пусть дожди и грозы, пусть ливни смоят все, что несправедливо. Да воспрянет род людской и человек вспомнит, что он человек.

* * *

Дебаты на остановке продолжались. Протиснулся вглубь павильона, чтоб зрительно запечатлеть женщину, плачущую о сыне.

– Вот что теперь делать? В армии все взрывается, дедовщина, а как там воруют?

Женщина, сидевшая на скамейке, выделялась не толь-

ко причитающим голосом и согбенным видом, словно приплюснутая безысходной мыслью, со следами бессонницы на лице, но и какой-то изношенностью во всем.

Словно опавшая, оголенная до боли, с невидимыми ранами, рубцами в душе о своем сыне, что не спрячешь в чулане. Бедность скрутила ее да страх, рожденный неразберихой на Украине.

– Но почему не пойти служить? – заговорил пожилой грузный мужчина с портфелем внушительных размеров и заметной резной деревянной палочкой с ручкой в форме рыбы, отполированной до блеска временем, на которую опирался, до этого напряженно молчавший и внимательно слушавший разговор.

– Не надо думать, что ваш сын непременно погибнет. Кто-то должен Родину защищать. Войны не будет, это однозначно. Если к власти пришли одержимые, им не дадут на кон человечество поставить. Американские хитрецы-мудрецы всех и все посчитали, одной базой больше или меньше, а дойдет до атомной кнопочки – всем каюк. Украина думает,ержанкой, к кому побогаче. Только Запад и ломаный грош просто так не даст. Довели страну до ручки, а народ пустили по миру. Вместо одних кровососов пришли другие, похлеще. Америка – держатель контрольного пакета акции Земли, за доллары, за бумажки купила целую планету. Россия у Америки, как кость в горле, стоит поперек.

Замолчав, мужчина взглянул на рядом стоящих людей,

пытаясь разобраться по выражениям лиц, понятно ли выразился, ясна ли его мысль. Может, надо было сказать попроще, а так, как из телевизора, агитируя, вещал. А новости оскомину набили, отрывка от них. Кто-то вовсе их не смотрит.

Люди, вроде не слышали его, были рассеяны, отвлеченно смотрели по сторонам, и каждый думал о своем. Причитавшая женщина о сыне, словно оглохшая, никого не слыша и не видя, продолжала сокрушаться и плакать. Другая женщина, ругавшая ее, та, что в красном берете, с сединой, поняла всю бесполезность что-либо доказывать.

– Каждый себе на уме, – рассуждал мужчина, теребя ручкой то ручку портфеля, то делая какие-то нетерпеливые движения палкой.

«Что-то заждались мы транспорта», – хотел он посетовать, но не стал говорить вслух, посчитав это лишним.

Он знал, казалось, всё, что происходит вокруг, не иначе, как бывший сотрудник КГБ. Лицо его предельно спокойное, сосредоточенное на какой-то мысли, наверняка, глобальной. Он понимал, несмотря на трудности, как и прежде, Россия выстоит.

* * *

Не все стоявшие на остановке, ожидавшие троллейбус, готовы были шагнуть через лужи, стряхнув с себя каждоднев-

ные заботы, колоннами демонстрировать свое несогласие с социальным неравенством. Я присмотрелся: в большинстве своем, пожилые люди, пенсионеры, им не до этого, как бы выжить – одна забота.

Когда приглядывался, среди стоящих под крышей стеклянного павильона, не сразу заметил Софью Федоровну, давнюю и близкую подругу моей покойной тещи, Анны Николаевны. Женщина лет семидесяти пяти, ухоженная, со вкусом одетая, резкая и прямодушная, говорившая откровенно то, что думала. Взгляд ее, всегда цепкий, все замечающий, по ее словам, настроенный, как геодезический прибор.

– Мы – геодезисты, с особым зрением, должны видеть широко, далеко.

Она в силу своей профессии не только хорошо ориентировалась на местности, но также прекрасно разбиралась в людях и взяла себе за правило – не делать поспешных выводов. Вырастила двух детей, сына и дочь, двоих внучек, что вот-вот должны выйти замуж. Олечка и Юля, обе окончили МГУ, чем бабушка очень гордилась. Сын Андрей – известный архитектор, работает в Германии, дочь Таня – библиотекарь, сейчас педагог в детском доме. Муж, Анатолий Сергеевич, умер два дня назад.

Опутанная своими тягостными заботами, Софья Федоровна ничего не замечала вокруг. Молча подошел к ней, погруженной в печальные мысли, обнял и поцеловал, прижав к себе.

– Это ты, Володя? – ей достаточно было мельком взглянуть, чтобы узнать, тихо заплакала у меня на груди. – Ты все знаешь? – спросила она, – Вера тебе сказала? Я ей звонила. Не стало Толи, мы только отметили золотую свадьбу. Через несколько дней у него день рождения. Было бы восемьдесят пять лет.

Она говорила и плакала, вокруг переглядывались люди, я подыскивал слова утешения, потом вдруг сказал:

– Не слезы нужны, а залповый салют, он сражался за Родину до последнего...

Софья Федоровна не поняла моего оптимизма, напротив, она изобразила недоумение. Моя патетика ее явно раздражала, а может быть, и злила.

Я помню, как-то при разговоре, она резко заметила, когда расписывал прелести нашей дачи и Верочкиного цветника.

«Мне вензелями не надо, все эти завитушки в разговоре ни к чему. Приглашай, приеду, сама увижу. Как говорится, удостоверюсь. Ты, Володя, не обижайся, знаешь, мы люди простые, все говорим прямо в глаза. А эти твои высокохудожественные отступления от сути, вроде трепя, ты всегда грешил словесными балясинами. Это не по мне».

– А ты знаешь, как он умер? – встрепенулась она, на лице появилась свойственная ей грустная улыбка сожаления и досады. – Как всегда стал спорить, ты же знаешь его, упертого, если разговор о войне, то последнее слово за ним, он воевал. Да еще на Украине жуть да страсть добились его.

Я его увещевала:

– Хватит тебе убиваться, первый раз у них майдан, и все закончится, как всегда будут христарадничать. Ты вспомни, как у них чуть голод не был и кто им крупу, муку послал. Сейчас будут просить газ подешевле. Всю перестройку Украина с протянутой рукой, позор. У нас воруют, а там, видно, до порток народ обобрали.

А он сидел у телевизора, все охал:

– Апокалипсис, апокалипсис...

– Таблетку за таблеткой. Ну, что ты делаешь, – говорю, – доведешь себя, удар хватит. Как в воду глядела, схватился за бок, и дышать не может. Его по скорой в 57-ю больницу с подозрением на инфаркт в терапию, в общую палату, под капельницу, а там – до утра разберемся. На следующий день прихожу с припасами, он бодрый, с мужиками о войне спорит:

– Да не так все было, – горячится, – войну не расскажешь, не опишешь, на ней побывать надо, чтоб потом всю жизнь хотелось забыть, чтоб спать спокойно, чтоб в башке постоянно не стреляло и не взрывалось. Когда рядом твой друг из родного хутора, с кем ты за одной партой в школе учился, вдруг замертво падает, и лишь вспоротый ватник на груди указывает, что в него попал осколок от снаряда прямо в сердце. А ему было восемнадцать лет. Тогда только охнешь, и нет сил даже заскулить, как щенку, так схватит за кадык, не вздохнуть, не выдохнуть.

И всего-то я хотел еще раз на прощанье посмотреть в его глаза, да закрыл он их, чтоб я не видел ни страха, ни боли. Не успел он испугаться или застонать, как не успел много чего в жизни. С девчонкой ни разу не был.

После этого вдруг в палате стало темно, страшно и тоскливо, никто уже не мог говорить, молча смотрели куда-то в себя.

Потом зашел разговор про Киев.

– Вот тебе и братский народ, первым делом русский язык запретить, да памятники скovyрнуть, постаменты освободить другим, героям – националистам, а те, кто Родину освобождали, – предатели. Наверное, это его доконало. Он громыхал. – За что новая Киевская власть на Россию взъелась. Как оголтелые, кто их натравливает. Мы ж им ни в чем не отказывали. Как в бездонную бочку миллиарды, словно в прорву какую, в яму провальную, что стараниями олигархов выкопана.

– Толик, окликнула его, – я тебе гостинцев принесла.

А он мне вдруг:

– Дай я тебя напоследок обниму. А на ухо шепчет: – Прощай, мать, не поминай лихом, иди домой, тебе еще жить и жить. Ты еще молодая, может, правнуков увидишь...

Я в слезы. – Толя, – кричу, – что ты!

А он:

– Я книгу читаю, успокоюсь. Это я так, на всякий случай, не бойся, – и улыбнулся, и книгу взял, читает, к стенке

отвернулся.

Я к дежурному врачу, мол, чует мое сердце неспроста это. Она заверила, если что, в реанимацию, будут следить. Я стала проситься остаться, она мне:

– У нас всё отделение такое, что ж все с родственниками ночевать будут, переволновался он. Хорошо, что под капельницей, сейчас ему снотворное введут.

– Утром звонок. Ты знаешь, как в наших больницах лежат, во сне от разрыва сердца умер. Андрей специально из Германии приехал отметить юбилей. Теперь другие хлопоты. Сказал, что все устроит.

* * *

Подошел троллейбус, нашлось и нам местечко. После паузы трудно было возобновить разговор. Не знал, что сказать. Мужчина, державшийся за поручни, возраст которого выдавали только глаза проникновенные, очень располагающие, говорившие о том, что знает жизнь, готов проявить сострадание каждому. Ему явно немало лет. Склонившись, над нами посмотрел мне в лицо так пристально, словно что-то читал на нем. Так и хотелось спросить, что там написано, что интересного, чего сам не знаю о себе, о чем, может быть, не подозреваю.

– Как ваша радость, доченька, Лиза, там, в Новой Зеландии?»?

Софья Федоровна спросила это в силу своей воспитанности. Надо было проявить заинтересованность в том, что волнует меня больше всего.

– Да Бог ее знает, отсюда не видно.

Помолчав, я добавил:

– Может, зря отправили туда учиться.

Больше ничего сказать не мог. Не хотелось расстраивать, у нее и так потеря. Не буду же пояснять сейчас, что дочь там вышла замуж за индуса из касты воинов. Нас поставила в известность по скайпу, не спросив совета.

Софья Федоровна увидела, что я не расположен к разговору. Сходя на своей остановке, попросила ее не провожать, правда, почему-то заметила.

– А где же твоя машина, в ремонте?

– Мы ее продали.

– Почему так? – но, махнув рукой, добавила, – ладно, потом об этом.

Вопрос о машине давно был решен, еще, когда я ушел из журнала «Иносфера», где отработал тридцать лет.

Сейчас мне машина ни к чему, прежде ездил на работу, отвозил Лизу в школу, потом в институт. Жена пользуется общественным транспортом. На дачу теперь редко, только в сезон, на электричке – так проще.

* * *

Мужчина, оказавший мне внимание, сел рядом на освобожденное место.

– Мне кажется, что мы знакомы, – сказал, приятно улыбувшись.

Нет, он не старый, но, наверное, очень искушенный, многое повидал, прошел через испытания, может, служил в горячих точках или работает спасателем, скорее, психологом в МЧС и каждый день сталкивается с трагедиями. Вначале я не понял, что он обращается ко мне.

– О чем вы? Простите, мне не только не до вас, мне не до чего, даже до себя.

Я пытался освободиться от роя мысли, что жалили со всех сторон. Не мог отвлечься, переключить свое внимание.

– Вот моя визитка, он торопливо открыл бумажник. Моя остановка, пояснил он, кивнув на дверь, давая понять, что ему время выходить.

– Позвоните, мне много что надо вам сказать. У вас поразительное лицо, – продолжал мужчина. – Вы словно предок...

Последнее слово я не расслышал. Из динамика громко объявили остановку, и двери с шумом открылись.

– Какая глупость, – сказал я себе молча, даже не взглянув на визитку, машинально положив в карман, вновь погрузил-

СЯ В СВОИ МЫСЛИ.

* * *

В перестройку в журнале «Иносфера» мы стали печатать исторические экскурсы. В этом русле хотели осмыслить современность. Но что-то пошло не так, крен на критику прошлого очевидно не верен. Социалистическая идеология была извращена, хотя народ был героем, все преодолел и выжил в этом чудовищном эксперименте. И все же возможно ли социальное равенство, было ли оно в годы советской власти, может быть это миф о свободе, братстве? Над этим вопросом мы работаем в правительственной комиссии по разработке концепции «Музея СССР», со своими предложениями посещаю ее раз в неделю.

Консультанты, специалисты и эксперты – все мы общаемся через сеть. Пока на стадии только разработка самой идеи. На чем она будет основана?

И будет ли там отражена тема русского мира, что возникла сейчас в связи с событиями на востоке Украины. Много русских осталось в бывших республиках союза. Создана программа переселения соотечественников, что бы ни случилось геноцида русских, что происходит в Новороссии, где нашли массовые захоронения мирных жителей. История знает страшные эпизоды подобного, начиная с начала двадцатого века, когда уничтожали в концлагерях русинов, под городом

Талергоф, который называли галицкой Голгофой. Истребление проходило под лозунгом «Уничтожим москвофилов!». Убивали за их стремление создать русский мир от Карпат до Сахалина. Было замучено 160 тысяч русских галичан.

* * *

В троллейбусе слышались голоса. Люди громко обсуждали события на Манежной площади, где фанаты протестовали против бездействия полиции, что отпустили убийцу футбольного болельщика. Я обернулся: сзади меня сидели две пожилые женщины, вели разговор об этом.

– Разве это было возможно в наше время? Тогда не делили людей на национальности и вероисповедования, – говорила одна из них, с крашеными волосами, прибранными заколкой в виде обруча. Я отметил про себя, что эта женщина следит за собой. Соседка была заметно проще, как и выражение лица, не выразительное, с блуждающим рассеянным взглядом. Заинтересованность в разговоре она проявляла лишь внешне, не вникая в его суть. Глядя на нее, понимаешь, что губная помада и какие-либо украшения не про нее. Не то, что она о них не подозревала, скорее пренебрегала. И не только этим. Во всем проявлялась неряшливость. Замусоленные обшлага рукавов, давно вышедшего из моды пальто, дополняла изношенная обувь, что забыла, когда ее чистили.

– Я вот всю жизнь прожила с мордвой, такой же мужик,

как и другие.

На этот ляп простоватой бабы в салоне переглянулись.

Мне хватило пару раз взглянуть на женщин, чтобы предположить, какая разная была у них жизнь. Дама, исполненная достоинства, всем своим видом подчеркивала свое материальное благополучие. Эта кожаная сумочка, которую крепко держала в руках, перчатки и брошь на пальто из шерстяной ткани. Возможно, она работала за границей в дипломатической миссии, говорит на иностранных языках. Всего лишь догадка. Может, педагог или театральный критик, без сомнения, человек образованный, грамотная, чистая речь. Вынужденное соседство она переносила с трудом, это было выше ее сил. Брезгливость проявлялась в том, что она старалась насколько это возможно отодвинуться от неблагополучной бабы. «Видимо, неудачно вышла замуж, не смогла получить приличное образование», – думала она при этом.

– За что убили парня, так и не поняла, – продолжала ухаживать дама, – какая причина? Или сейчас могут убить беспричинно.

Вывод, что сделала дама, поверг ее в уныние, она сникла, отвернулась и молча, смотрела в окно. Женщина, что всю жизнь прожила с мордвой, заерзала на сиденье и стала кричать.

– Да это чушь, что не русские убивают русских. Бывает и наоборот, это просто такой случай. Ребята всегда бузят, все им не так. У меня свой такой, сорок лет, все на футбол хо-

дит. Там дерутся просто так, фанаты приходят мутить, только бились бы кулаками, как раньше, нет же, теперь ножи, пистолеты. А полиции на все наплевать...

* * *

На выходе, у задней двери услышал совсем другой разговор компании молодых людей. Ничего особенного в них не отметил: одного роста, одинаково подстрижены коротко и одеты, словно специальный дрескод, брюки темные и белые рубашки. Так ходят представители тоталитарных сект, что мягко и вкрадчиво объясняют всем о ближайшем конце света. Все трое одного возраста, где-то двадцать с небольшим плюсом. Ни солнечных очков, бейсболок, ни наушников, телефонов и прочей электроники, без чего современный человек не чувствует себя полноценным. Наколок, сережек, в разных местах нацепленных железок, что говорило бы о причастности к какой-нибудь субкультуре. Не заметил в руках сумок, папок или рюкзаков. Только у каждого был приколот на верху рубашки небольшой значок «70 лет Победы». «Ну, вот же», – воскликнул я про себя, можно встретить и правильных ребят. Интересно их послушать.

Один из парней громким голосом повествовал о только что произошедшем с ним.

Я ему говорю:

– Как работает этот мобильник?

Главное, в салоне связи ни души. Консультант – только он.

Он в ответ, мол:

– Как все, принцип один.

Подумал, – дебил в белой рубашке, в парусиновых тапочках на босу ногу. Изображаю удивление. В ответ что-то мямлит.

– Функции больше, дизайн стильный, корпус стальной, противоударное стекло.

Думаю, логично, вроде парень вменяемый, только странно, зевота его одолевает...

– Тогда поясни, чему отдать предпочтение?

Смотрит на меня с интересом:

– Я посчитал, что ты продвинутый, сам разберешься.

У меня так и вырвалось:

– Значит ты здесь для «тупых»?

– Точно для них.

И уже какое-то пренебрежение в нем, мол, и ты недалекий. Ну думаю, я сейчас тебя причешу.

– Ты что, из подвала на разгрузке стоял?

Он опешил:

– Точно, ты откуда знаешь?

– Иди обратно, я новый системный администратор, чтоб духа твоего в зале не было.

Помялся, глаза опустил.

– Ааа, понятно.

И пошел, видимо, в подвал.

С тоской посмотрел на салон, на выходе девушке за кассой

сказал:

– Вы в зал «идиотов» набираете покупателей пугать?

Она, похоже, ничего не поняла, вид у нее был инопланетянки. Впрочем, пояснила, что парень беженец из Украины, там объявили всеобщую мобилизацию. Здесь у него родственник заведует складом, взял к себе, в зал на замену вышел первый раз.

Верно – думаю, – у парня, нет – нет, да акцент проскакивал. А так, никакой разницы не замечал между русскими и украинцами. Вернулся и прямо в нижний этаж. Смотрю, он на ступеньках. Говорю:

– Извини, братан. Не поняли мы друг друга. Насчет системного администратора, шутка. – Значит, ты беженец, от произвола бежал? Что же там такое?

Парень смерил меня взглядом: своим каким-то внутренним аршином, располагаю ли я к доверительности, стоит ли со мной заводить разговор. Поколебавшись, подал руку, назвался Олегом.

– Украина, понятное дело, стало еще одной битой картой Америки. Вот как разошлись мы с Россией, так нам и вдалбливают, втемяшивают, что она наш первый враг. Все беды от нее, поганой.

Говорил извиняющимся тоном, с явной грустью и сожалением, испытывая неловкость за своих соплеменников. Парню на вид было лет двадцать, высокий и худощавый с настороженными глазами. Видно, многое здесь ему в новинку,

еще не совсем он разобрался, что к чему. Разговорились, выяснилось, что он брат народного губернатора Донецка Павла Губарева, которого насильно увезли в Киев.

– Мне пригрозили, что если не смоюсь из города, худо будет. – Бежал без оглядки, так, что сверкали пятки, – улыбувшись, продолжил он. Народ потянулся в Россию, начался исход.

Парень не то, что не смел или робок, не освоился еще. Рассказал, что родственник, приютивший его здесь в Москве, входит в совет украинской общины. Они обустроят его. Люди добиваются создания Донецкой республики, а на них орды военных и майдановцы, да еще иностранный легион.

Прятели, слушая товарища, старались не загоразживать проход к задней двери, не мешали пассажирам, не спешили сесть в редующий с каждой остановкой троллейбус. Интересно, кто же они такие. И вдруг все стало понятно.

– Ты бы предложил парню пойти с нами вместе по Красной площади после военного парада, по случаю 70-летия победы в колонне бессмертного полка. Пусть сделает фото родственника, участника Великой Отечественной, наверняка такой есть и присоединяется.

– Точно. Я же забил его телефон в свой мобильник. Скажу, что мы волонтеры по организации этой акции, окажем ему содействие. Брат его Павел Губарев открыто заявил протест против вступления Украины в НАТО. Депутата рады Царева за это же избивали. На экране телевизора, в новостях

он предстал с окровавленным лицом.

* * *

Мне вначале показалось странным, что говорят только двое, третий, словно, в стороне, стоит, молчит. Те, вроде активные, особенно тот, что про брата Павла Губарева – Олега сказал, а этот что-то выжидает. И вот слышу:

– Алик, ты как политический аналитик готов ознакомить со своим заключением. Ты там в МГИМО поднаторел в этом.

– Собираюсь с мыслями, – серьезно заметил Алик. – Думаю, вы поняли, в чем дело. Как говорится, ларчик просто открывался.

Здесь он остановился, посмотрел на друзей и наткнулся глазами со мной, увидев, что я тоже проявляю интерес к их разговору, заметно отчетливее продолжил:

– Украина, всего лишь звено цепи баз вокруг России. Слышали, план Анаконда, удавка змеи. Не случайно в Черное море прибыли американские авианосцы. В Севастополе застолбиться не смогли, теперь цель – Одесса.

На это ребята хмыкнули, перекинулись взглядами.

– Эксперт, тебе не кажется, что ты осведомлен не лучше нас.

Активные, таких еще заводилами зовут, всегда что-то придумывают, – стали смеяться над Аликом.

– Намерения Америки невооруженным глазом видно, к

гадалке не ходи. Их цель захомутать все страны, теперь понятно многим, так что, не надо показывать, что ты, мол, умнее всех.

– А что, это не так? – обиделся Алик.

– Опять будешь кичиться своим МГИМО, думаешь, в Физтех легче было поступить.

– Ты всего лишь технарь, я – политолог. Чувствуешь разницу?

– Твой прогноз, только кратко и четко.

Заводилы искали повод в очередной раз низвергнуть друга с Олимпа под названием МГИМО.

– От новой Киевской власти не жди хорошего, если они на свой народ войной пошли. Понятно, что это последнее дело. Люди увидят, что они собой представляют. Как интересно расследовали дело снайперов, с большой головы на здоровую. Во всем прежняя власть и Россия виноваты. Естественно, против себя свидетельствовать глупо, это значит, признать свою вину.

Под конец я услышал:

– В твоих заключениях ничего оригинального нет. Ты, Алик, не способен проанализировать ситуацию.

Активисты по очереди спокойно высказали свои предложения. Донецкой, Луганской республики быть, это их вердикт. Было видно, что Алик дорожит дружбой ребят.

– Да и я про то же, – несколько не обидевшись, поняв намек друзей, сделав лицо попроще, Алик выразительно ух-

мыльнулся:

– Все ясно, завидуете. Да и ладно, МГИМО, Физтех какая разница? Главная – одна компания.

И как ни в чем не бывало, рассказал о родителях.

– Мои родичи организовали сбор гуманитарки в нашей девятиэтажке на юго-восток Украины. И телик не выключают ни на минутку, новости смотрят. Их предки оттуда. У меня не случайно украинская фамилия, дед с Луганщины, погиб на фронте. Я с его портретом по Красной площади в марше «Бессмертного полка» пойду с гордо поднятой головой, мне есть, чем гордиться.

– Алик, опять тебя от гордости распирает, а у меня бабушка санитаркой была, знаешь, сколько бойцов из-под огня спасла.

Ребята никак не хотели мириться с каждым заявленным превосходством Алика. Во всех трех явно просматривались лидеры.

Продолжение этого диалога я не услышал, сойдя с троллейбуса, побрел домой.

* * *

Сиреневый бульвар, ты как маленькая артерия большой кровеносной системы огромного мегаполиса, что как великий молох перетирает людей, их судьбы в муку. Сочинители берут ее, смачивая своими слюнями, лепят в коврижки,

посыпают своей выдумкой, солят соплями, кровью и потом, жарят и парят, варганят, а потом этим травят или воскрешают.

Иду по бульвару, словно плыву в своем времени, в своем измерении. Так каждый из нас к чему-то гребет и как всегда ни к тому, что хотел. Где ж ты, мой берег, где ж ты мой сад, мой душевный рай. Кто скажет?

Мой дом, подъезд. Обычная девятиэтажка. Милый дворик, где на лавочках дремлют бдительные старушки, промывая соседям косточки добела. Иногда нетрезвые буяны развлекают народ своей тупостью, пугают детей на детской площадке.

Поднимаюсь на свой этаж и слышу голоса жильцов, в каждой квартире по кому, а где и по два.

За стальными дверьми разыгрываются все направления драматургии, от трагедии до фарса. Самые интересные комедии, суть их, как правило, в том, что люди искренне пребывают во мнении, что они в чем-то преуспели, и, главным образом, материально.

Иметь или не иметь, вот в чем вопрос. Слушаю вариации на эту тему, и ни чему не удивляюсь, люди, человеки каждый включает в себя историю с незамысловатым сюжетом. Сколько интересных подробностей. Если в них вникнуть глубоко и серьезно, не хватит жизни описать.

– То же, мне какие люди, что у них есть?

Это голос женщины из 613-й квартиры. Старшей по подъезду. Есть и такая должность, правда, общественная и добровольная. Строгая, с короткой стрижкой крашенных волос, с палочкой и зорким взглядом. Она нюхом чует, где, что не так. Много лет была директором ювелирного магазина. Баба оборотистая, люди удивлялись, зная ее спекулятивную деятельность, что осталась жива. В лихое время покушались на нее, да вот как-то вывернулась. Все наезды закончились тем, что ее золотое дно досталось другим. Хотя в накладе она не осталась, подсуетилась. Все дефолты ей только на пользу пошли. За глаза ее миллионершей зовут. Сейчас никого не боится, теперь ее никто не достанет. Два сына в органах – большие начальники.

– Одеваются, как в деревне, машины подержанные, у них все б.у. – бывшие в употреблении. И отовариваются в пятерках и семерках, все по акциям и на скидках. Нищоброды, живут в халупах, без ремонта, не знают, что такое за граница.

О соседях она не лестного мнения. Знает, кого в чем упрекнуть. Кто шумит, кто после ремонта мусор оставил. Чья собака в лифте помочилась. Кто и где делает закладки спайсов.

– Да они сами придурки.

Это голос молодой девушки. Живет в однушке, ищет мужа, пока безуспешно. И стройна, и мила, словно заговоренная. Никто на нее глаз не положил, никто не оглянулся вслед. По интернету боится знакомиться, а так не получается. Ей советуют познакомиться на кладбище, с вдовцом, еще вариант в храме или на танцплощадке в Сокольниках или в Нескучном саду. Бродить по набережной в надежде, что кто-то подойдет и спросит: «Который час?», улыбнувшись, продолжит: «Вам не одиноко?»

– Напрялят на себя невесть что, выпендриваются, ни образования, ни ума, так одна хитрость, где бы словчить. А эта из 315 квартиры, не учится, уже с мужиками шляется. Мать с отцом пьют, какой ей пример, по рукам пошла.

Свою соседскую девчонку не возлюбила, зовет ветреной маленькой шлюхой. Может, завидует, за ней мужики, как кобели, табуном.

– Все такие скрытные, как бы чего кто не узнал. Все тайком от людских глаз. Только шило в мешке не утаишь, на морде все написано.

– Да пошли они куда подальше, – гремел мужской голос из 617, громила с выдающимся животом. Еще о них разговор вести. Мне это надо. Пусть в своем дерьме плавают. Что мы не знаем, что пацан их наркоманит. И кто продает ему дурь, знаем. Про всех все известно. Пусть рот закроют. Я не там машину ставлю. Где хочу, там и ставлю. Еще раз хавальник откроют, нас тучу, куда следует, квартиру сдают, налоги

не платят. А этот, что в прошлый раз, на меня наезжал, вроде его место занял, свой мерс не знал, куда поставить. Даже мать по-человечески похоронить не захотел, в черном мешке на тот свет отправил.

Эти монологи бесконечны до поры до времени, как и наша жизнь. Нет правых и виноватых, каким судом судите, таким и судимы будете. Только любовь всегда права, но есть ли она, как и Бог.

* * *

«Москва, как много в этом звуке,
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось».

Наверное, лучше Пушкина не скажешь.

Москва – людской океан, новый Вавилон. Стоит на семи холмах, обдуваемых семи ветрами, омываемых пятью морями. Семь сталинских высоток, осколки прежней империи социализма, поражавшие наших отцов своим размахом и замахом на что-то величественное и непоколебимое. Высотки с любопытством, когда-то завидуя Кремлю и драгоценному центру, храмам и монастырям, вдруг обнаружили, задрвав свои башни конкурентов, небоскребов Москва – Сити, что уперлись в небо. Нагловатые, из стекла и бетона, как длинно-

ногие дамы, вышедшие пощеголять яркими нарядами, претендуют на достопримечательность. Они видны всем со всех сторон, тогда, как глубокие раны на прекрасном лице Москвы от трагедии терактов не так заметны. Но их не забудут те, кто в них потерял своих близких. Их боль, не затихая, поминальным звоном раздаётся в разбитых сердцах.

* * *

Моя квартира пристанище комедиантов. Только давно в ней не слышно смеха. Ни прежней суеты, чехарды с друзьями, с праздниками. Постоянно что-то отмечали, мы так и называли эти дни, «отмечалочки», то выход моей книги, то запуск сценария и фильма по нему, ёлки, октябрьские, майские праздники, восьмое марта, окончание учебного года у жены Веры, учительницы начальных классов. Дни рождения дочери Лизоньки и получения гонорара закадычного друга, художника Петра Владимировича. Тогда непременно пир в самом дорогом ресторане, вкуснятины полный стол и танцы до упада. Дочь выросла, уехала учиться, и тихо стало в квартире, неуютно.

Как же ее не хватает.

Дома хотел рассказать жене о встрече с Софьей Федоровной. Но по всему было видно, что Вера, явно озадаченная одной мыслью о дочери, не расположена слушать. Привычная поза в ее любимом кресле, рядом журнальный столик, на нем разложены ученические тетради.

«Это ты ее туда отправил», – читалось на ее лице.

После того, как дочь уехала в Новую Зеландию, она не находила себе места. Немой упрек проявлялся в ее взгляде, усталом и разочарованном. Ее терзала мысль, как она там. Какой-то неизвестный человек с темной кожей и черными, смоляными волосами ласкает ее ребенка.

– Боже, – молила она, – только б ей не было больно. Господи, не допусти позора и унижения. Почему это случилось с моим ребенком? Почему индус из касты воинов? Я же просила тебя, – плакала она. – Зачем ты отправляешь ее в такую даль? Почему не в Европу или Америку? Ты же боготворил ее. Я сердце надорвала, спать не мог у.

– То же самое могу сказать о себе, – ответил я. – Страдаю, мучаюсь, но что можно сделать? Мне тоже видятся ее маленькие нежные ручки, разве я забуду ее детский запах и лепетания. Когда я вижу, как ты каждый день гладишь и прижимаешь к себе ее игрушки, меня душат слезы. Остается уповать на счастливый случай и на Бога. Он сбережет ее,

ведь она еще ребенок.

– Давай уговорим ее вернуться в Москву. Сейчас здесь можно устроиться. У нее своя квартира. Машину подарим и дачу отдадим. Будем сидеть с детьми, если появятся.

Жена говорила это как заклинание, словно молитву, блуждая глазами вокруг, переводя взгляд с одного предмета на другой, пытаясь найти какую-то опору, поддержку. Вроде как обращалась к дочери, представляла ее рядом, остановив взгляд на ее портрете, висевшем в гостиной на самом видном месте.

– Это надо говорить ей, – оборвал я, чувствуя, что она впадает в истерику.

– Ей и говорю, – отозвалась жена, – она слышит меня на другом континенте. Она всегда понимала меня, чувствовала мои мысли. И сейчас до нее должны дойти частотные колебания моего сознания и боль, что не пройдет, пока ее не увижу.

Что в этом было, отчаяние, патология? В любви к дочери, казалось, скрывалось что-то большое, помимо материнских чувств. Словно, какая-то часть души была опустошена, а с ней утрачена щемящая сладость, что испытывала Вера, когда Лиза была рядом, вселяя в нее жизнь, наполняя ее смыслом.

– Давай соберем тебя и ты полетишь к ней. Что-то встрепенулось в ней, при этом слова звучали тихо, примирительно и просительно. Она смотрела вопрошающе.

Испытующий взгляд говорил о том, что решусь ли я? По-

сле этого я встал и ушел к себе. Слушать ее дальше было невыносимо. Каждый раз слезы выводят меня из себя. Опять придется пить лекарства. Все в каком-то тумане, ни на чем не могу сосредоточиться, начну заниматься бумагами проекта музея СССР, забудусь.

* * *

Завтра очередное заседание консультативного совета по созданию музея СССР. Впервые будет президент по приглашению директора института истории. Думаю предложить в своем докладе концепцию: что на мой взгляд заключается в самой простой и естественной мысли. Народы России должны сплотиться, чтобы выжить в этом мире глобальных угроз.

Советское время у меня в кабинете представлено маленькой коллекцией предметов. Вот карбоновая лампа, бюст Ленина, Дзержинского, приобрел на Блошином рынке. Фигура рабочего и колхозника, статуэтка Василия Теркина с гармонью.

Обстановка уюта тех лет, которую я пытался воспроизвести, заключалась в оранжевом абажуре, что делал свет теплым, этажерка с часами с несколькими книгами да радио в форме черной тарелки, из которой иногда угрожающе звучали указы и постановления. Богатство, о котором можно было говорить в пятидесятые: швейная машина и велосипед. Телевизоры, еще из ряда фантастики.

Письменный стол завален бумагами с разными мыслями, как и мое сознание. Осталось лишь необходимое пространство для листа бумаги. На нем в очередной раз размышления отразятся словами, буквами и предложениями.

Сколько бы ни переключал, уплотняя, трамбуя стопки, страницы текста свободное место не увеличивается, оно сжимается все больше, фантазии заполняют все новые и новые листы.

Но вот наступает момент, перечитывая, осознаю: это не то, надо не так. Нервно начинаю рвать, мять и швырять в корзину.

Взгляд останавливается на маленьком фото Лизоньки. Ангелочек обхватил мою шею, сидя на руках, и нежно целует в щечку. Такое же фото есть, правда, меньше, в портмоне.

Когда в голове появляется шум, тяжесть, не могу сосредоточиться на работе. Смотрю на эту умильное фото, улыбаюсь, становится легче.

* * *

Монолог, что-то вроде мольбы, звучит в Вере постоянно, непрерывно и надрывно. Каждое слово капля за каплей, собираясь во вселенскую тоску, скребет по душе острием безысходности. Понурая под тяжестью беспокойства, она кажется растерянной и потерянной.

«Как она могла так поступить, – думала она о дочери. –

Разве это я заслужила? Лелеяла ее, как цветочек, надыхаться над ней не могла, даже во сне боялась за нее, тревожилась о душе ее драгоценной. Лизонька – прозрачная нимфа в девственном лесу, где только чистота, благоухания цветов. Почему именно индус? Не было кого-то другого, европейца? Еще рассказывают о наших русских женщинах, попавших в сексуальное рабство».

Вера вставала с кресла, подходила к окну, бросала взгляд на улицу, где люди спешили по своим делам, также чем-то озадаченные, потом возвращалась на место.

От этих мыслей голова наливается жуткой болью. Невыносимая тяжесть делает раздражительность спасением. Только не сорваться, не довести себя до иступления.

«Лизонька, доченька, слышишь, мое сердце разрывается. Ты не подумала, что ранишь мою любовь. Если что-то случится с тобой, меня не будет. Господи, безумие овладевает мной. Надо успокоиться, рассказать Володе о своем состоянии, пригласить психолога или просто пойти в церковь, там моя душа воспрянет».

Обо всех ее мыслях догадаться не мог. Знаю, у нее всегда что-то подобное, что вслух, что про себя. Стоит мне только переступить через порог, одно и то же, о Лизоньке.

У меня то же самое, только молчу, стараюсь отвлечь. Сейчас утихнет в ней тревога, сядем ужинать, сделаем вид, что все нормально. Вот уже и за стол зовет. Поцелую, обниму, скажу: «Наберись терпения». Или нет, ни слово о дочери и

переживаниях. Просто прижму к себе, прикоснусь к влажным глазам.

* * *

Три чудные птицы, обозначить коих память не смогла, не похожие на тех, кого знал, смотрели на меня, стоящего у окна. Как по команде, вдруг помахав крыльями, снялись с провода, плавно и синхронно, очень красиво, сделав необыкновенно грациозный вираж, улетели.

Что бы это значило, подумал я, и не смог ответить, чувствуя в своей душе какую-то необъяснимую, но приятную радость. Мне показалось это хорошим знаком. Птицы – вера, надежда и любовь. Может у Лизоньки все будет хорошо. Она девочка не безрассудная. Там за морями и океанами, за тридевять земель, аленький цветочек встретила любовь. Хотелось, чтобы избранник был с мягким сердцем и доброй душой. Наша Лиза, словно белая береза, красна девица, в хороводе с венком из полевых цветов с тихими, трогательными песнями. Стройная русская девушка с русыми волосами, белой, нежнейшей кожей, с голосом горлицы. Она выросла в искренней любви и бесконечном обожании. Прививал любовь к России, думал, в Новой Зеландии станет специалистом, вернется, буду ею гордиться.

Сейчас смотрю на ее портрет, где пятилетняя девочка в белом летнем платьице без рукавчиков, в соломенной шляп-

ке. Сидит на скамеечке в дачном саду, на руках любимый пёсик Степа. Эта работа незабвенного друга – Петра Владимировича, всеми любимого художника, сотрудника нашего журнала «Иносфера». Я благодарен ему за то, что блестяще оформлял мои книги, делал иллюстрации к ним, стал за много лет знакомства членом нашей семьи. Он так привязался к Лизоньке, что если не видел ее больше трех дней, то без предупреждения прилетал с каким-нибудь очередным подарком, безделицей, чтобы целовать ее пальчики. Делал много набросков дочери, в итоге получились два замечательных портрета. Запечатлел жену и тещу, Анну Николаевну.

* * *

Анна Николаевна удивительнейшим образом преображалась при появлении Петра Владимировича, становилась возбужденной и разговорчивой. Теща – волевая женщина, колоритная, с лицом исполненного достоинства, самоуважения. Гордыня во всем: голосе, осанке, манерах.

– А вот и наш завсегдашай Петя, – этой привычной фразой встречала его Анна Николаевна. И глаза ее с хитрым прищуром загорались азартом. Видно было, что старухе с ним интересно.

– Сейчас я буду тебя донимать вопросами, что нового в мире искусства, был ли на выставке Караваджо, в Цветаевском? Говорят, потрясающие полотна, но я не смогу высто-

ять очередь в музей, оттого не пошла.

При этом она не стеснялась своей радости и подъема и не пыталась это скрыть. Только криво улыбнувшись, начинала язвить.

– Увы, я тоже не был, свободного времени не случилось.

Петр Владимирович всегда настороженный, ждал какого-нибудь подвоха от Анны Николаевны, как он выражался, очередного подкола, старался отвечать ей в тон и таким же манером. Получалось, вроде, соревнование в остроумии.

– Ты как «милый друг», герой романа Мопассана, скажи, картинки в стиле ню, что сейчас в моде, хорошо продаются? Падок народ на порок.

Анна Николаевна сморщилась и отвернулась, словно от-чего-то похабного.

Деньги то теперь чем только не делают.

– Да вы, Анна Николаевна, готовы плюнуть в сторону художников, а это труд, и обнажёнку писали во все времена. Это свойство человеческое, ему интересно о себе красивое узнать.

– Ах ты, проказник, певец телесных чувств! Наверное, и мою дочь этим тронул. У тебя случайно ее портрета в нагом виде нет, на который тайком любишься? Ладно, ладно, я знаю, ты ее много лет любишь. Это только недоумок, наш Володька, не видит, а может делает вид. Ты хоть и монархист, Петя, а нравишься мне. И борода твоя аккуратненькая, и усики, одет, как заслуженный артист Малого театра. Извест-

ный художник. Только все думаю, с чего? Ну что ты такое изобразил? Где твои картины, в какой галерее?

Анна Николаевна щебетала, а Петр Владимирович, несколько не смущаясь, как обычно, доставал блокнотик с карандашом и ластиком на конце и начинал делать наброски. Это стало привычкой со студенческих лет. Педагог посоветовал постоянно рисовать, чтоб набить руку.

– Наш Володя тоже какие-то романы пишет. Я их, правда, не читала и не собираюсь. Что он можем там понаписать, индюк на дутой? Ноздри распушит, великий до невозможности, а самому невдомек, что смахивает на юродивого.

«Люблю мужиков, но с этим, прости Господи, зятьком, ни за что бы ни связалась. Впрочем, как и с Достоевским. Вообще мне писатели не нравятся, бесцветные личности и всегда в душу лезут», – думала она при этом.

– Я все боюсь, – засмеялась Анна Николаевна, продолжая уже в полголоса, – что его как-нибудь так раздует и разнесет, что лопнет. Такая, знаете ли, величина из величин. А, да Бог с ним! Сыграем что ли в подкидного. Должна вам заметить, что у вас много свободного времени для знаменитого художника или заказов нет?

– Вы же знаете, я очень разборчив в клиентах, пишу портреты только достойных людей. Или хотя бы тех, кто мне приятен и дорог. Вот, к примеру, Элиза. Моя прелесть.

С этими словами он поднял глаза на портрет дочери в гостиной. Для меня всегда были загадкой отношения Лизы с

Петром. Как-то я случайно услышал такую фразу, произнесенную Верой: «А вот и твой второй папа, сегодня с ним занятие, будете рисовать».

Дочь так пристрастилась к бумаге и карандашам, что я думал отдать ее в художественную школу. Но Петя убедил, что это у нее для души. И он всему обучит. И действительно, Лиза увлеклась океанологией, бредила подводным миром. Оказалась в Новой Зеландии – один из лучших университетов, где изучают эту науку. Мы долго ломали голову, почему океанология, потом сами поразились, как мало мы знаем, о морях и океанах. Все были против Новой Зеландии, но Лиза попросила, я согласился. Петя так яро отговаривал ее, что во мне зародил сомнения, с чего бы это. На портрет дочери Петя может смотреть долгое время, что-то невидимое, неуловимое связывало их. Меня смущала их далекая схожесть.

Там она студентка университета океанологии. В маминых украшениях, нитка жемчуга на шее и жемчужные сережки. Взгляд тот же детский, наивный и доверчивый. Лицо еще не тронуто ни переживаниями, ни пороком. Полу улыбка и открытые большие, голубые глаза, полные мечтаний и надежд. Вглядываются в этот мир так волнующе и трепетно, словно ожидая чего-то необыкновенного, несбыточного, наверное, любви и счастья.

Может быть, только мое обожание дочери как-то сглаживали все наши семейные шероховатости.

Теща меня не жаловала: образование не то, что за профессия журналист? Почему такое отторжение, категорическое неприятие? Всем не устраивал: внешним видом, не было лоска, манерой говорить, тембр голоса не тот, не волнующий. В ее глазах я был невзрачным мужичком, без роду, без племени, у которого ни кола, ни двора, да еще безлошадный, без авто.

– Ты посмотри на мою дочь! Разве ты ей пара? Она красавица, все при ней: статная, в глазах огонь, волосы как смоль. Ты не можешь ее оценить по достоинству. Любви у тебя нет, денег тоже.

Казалось, не могла она так думать и уж тем более говорить. Пусть я беспородистый кобель, дворняга, нечесаный, в репейниках. Бегал по заданию редакции, за чушью собачьей, высунув язык. Пинают меня, обзывают. Я огрызаюсь. Дома тоже сплошное унижение. А скажи что, в ответ:

– Ты мастак с бабами язык распускать. На работе ты его в одно место засунешь. Спроси редактора о зарплате, скажи, на эти деньги жить невозможно. Тогда поверю, что ты мужик, – кипятилась теща.

– Нет, не могла она так сказать, – возразит каждый, кто ее знал. Анна Николаевна была душой компании. Непререкаемый авторитет, перед которым трепетал даже герой войны,

орденоносец Анатолий Сергеевич.

Как-то он мне сказал, был случай, пересеклись мы с ним.

– Ты что там голос повышаешь? – видимо, теща с ним поделилась. – Был бы жив Ростислав Николаевич, ее покойный муж, он заступился бы за Анну Николаевну. Он бы тебя на место поставил».

* * *

Что касается Ростислава Николаевича, то его звали не иначе, как «прокурор», все законы на зубок. Про таких говорят, «заведет, не выведет».

«Он бы тебя умыл одним словом, Он мастак, любого за жабры брал».

Внезапно умер Ростик, так звали его родные. Вслед за своей мамой. Говорят, после ее поминок он отмечал день рождения одного из своих сотрудников.

Анатолий Сергеевич не хотел верить в это. Были они закадычные друзья. У них было взаимное уважение и тяга к друг другу на почве знаний. В бараке их так и звали «знатоки». Что один, что другой, любое любопытство удовлетворить могли. Соседи побаивались и чтили, раскланивались. Если какой вопрос, обращались к ним, бумагу какую написать, жалобу, прошения.

– Сердце Ростика не выдержало, больно много на него взвалил, – сказал, прощаясь с ним на похоронах, Анатолий

Сергеевич, – мы с ним оба за справедливость стояли.

Жаль было всем: брату, жене, дочери и его друзьям. Сокрушались, что так нелепо, бесславно закончилась жизнь умнейшего человека, у которого, казалось, должно быть все блестяще.

* * *

– А что, Анну Николаевну можно обидеть? – На своем лице я изобразил удивление, похоже, разговор обернется чем-то неприятным. – Мне думалось, напротив, она хозяйка.

– Она не из тех людей, что будет что-то терпеть, овцой никогда не была и с «прокурором» Ростиком расправлялась в один момент.

– В вашей семье она старшая, именно хозяйка и слушай ее, – и с этими словами Анатолий Сергеевич для пущей убедительности рассек воздух, своим здоровым кулаком. Мол, баста и точка. – Анна Николаевна кристальной души человек! И пусть заглавная, она плохого не пожелает и не сделает. Суровая, с характером, нужно, приструнит для порядку. Зато у нее во всем осечек не было.

– А как со мной быть? Почему себе другого зятя не подобрала? Это не осечка?

– Вера от отчаяния замуж вышла за тебя.

– Бог ты мой, какие подробности узнаю.

Теперь на моем лице было не поддельное любопытство.

Почему-то от самой Веры я таких откровений не слышал, – подумал про себя. Надо было давно раскрутить Анатолия Сергеевича на такие секреты. Но, может, не все он знает. А если не только от отчаяния, пошла за меня, но и со зла. Поэтому и вышло все наперекосяк.

– У нее такие ребята были! – и вновь последовала жестикуляция. На этот раз он выразительно поднял большой палец и ткнул им с силой вверх. – Летчик, программист, а еще один парень спортсмен. Но не сложилось, ни с одним. Подозреваю, причиной тому Верин характер: вся в отца, горячая, хотя быстро отходит. Анна Николаевна мудрая женщина, но строга чересчур. Потому со Славой так получилось. Прогнала его ни за что, ни про что. Ну, бывало, заливал он за воротник, так это на работе. Одни взятки брали, а он дурак, бутылкой обходился.

– Вот видите, Анатолий Сергеевич, согласитесь со мной, что Анна Николаевна бывает резка.

– Ты меня на слове не лови, подколоть я тоже мастак. Обговорить бы тебя мог Ростислав Николаевич. Он бы такие словеса сплел, не выпутался бы. У него такой язык был, заслушаешься. Талантище. Сгубил себя сам, да добродей, лизоблюды, дружки, в кавычках, помогли. Да, бывает крута, но мне это по душе. Люблю сильных, волевых людей, только они могут чего-то добиться. Те, что сюсюкают, мельтешатся: пустобрехи, пустоцветы, пустозвоны.

Уважал Анатолий Сергеевич Анну Николаевну, за то, что не стеснялась называть вещи своими именами. Твердость – ключевое слово к характеру Анны Николаевны. Ирония, шутка ее оружие, умела высмеять. Натура цельная, уверена в своей правоте. Мнение о перестройке, о Горбачеве, что сдал позиции Европе, у Ростика, Анны Николаевны и у Анатолия было единое. Республики разошлись с Россией, забыв, что она сохранила их идентичность, язык, фольклор, культуру и создала государственность. Объясняли это близорукостью и неблагодарностью.

Анатолий Сергеевич любил беседовать с Анной Николаевной о Боге, пытаясь разобраться в ее миропонимании, бывшего секретаря партийной организации огромного института.

– Толя, только про Бога не надо. Не люблю я этих страсто-терпцев воссиявших. Разве в этом подвиг? Он в труде, или ратном деле, благородном поступке. Зачем на Бога кивать? Сам за себя отвечай и на себя надейся. Святость – человеком остаться. Это труднее всего. Особенно среди людей, в миру. А спрятаться в скорлупу, затвориться – удел слабых.

– Ты права, Аня. Только мне так спокойнее, потому не могу послушаться родителей, наказали от Бога не отказываться.

– Это личное дело, каждый решает сам, во что верить. Мо-

жет православие сохранит идентичность славян. Есть в этом резон. Беда в религиозных распрях, у кого вера правильная, у кого неверная. Извини меня, такая дремучесть, когда человечество избавится от этих пут. Неужели без Бога люди станут людоедами?! А совесть, это уже доказано – нейроны мозга, высокоразвитая материя. Хотя при этом остается много вопросов, как формировалась и под воздействием чего эта материя. У человечества хватит ума, расшифровать многие проблемы. Задачи будут решены как самые сложные уравнения.

Анатолий Сергеевичу, не со всем согласному, была любима эта уверенность. И потому не стал говорить, о том, что вера в коммунизм, пусть уже в прошлом, была изнанка христианства. Но в одном они сходились, в вере в Родину, в Россию.

* * *

– А вам не кажется, Анатолий Сергеевич, что это завуалированная грубость? Мне претит все резкое и крайнее.

– Ты хочешь сказать, что мы невоспитанные хамы? Что ты за паца? Тебя правда коробит! Мы – люди простые, Кембриджи не кончали, лихого хлебнули с лихвой, – с этим Анатолий Сергеевич сменил иронию и сарказм на громовое и победное в своем тоне. Теперь на его лице проступило пережитое, что было суровым горьким и страшным.

– Голод, война, разруха, черт побери, не до того было. По думаешь, теща матюгнулась. Да она лучше тебя в стократ.

Откровенно говоря, такого поворота в нашем разговоре я не ожидал. Все они – люди этого поколения, такие прямодушные, особенно если их что-то взволнует, нервирует. Здесь уже не до дипломатии, послать могут куда подальше. И не обидишься на них, потому что, если рассудить, они правы. На их долю выпало немало, и все что у нас есть их рук и ума дела. Советский Союз строили они. Думал, наш разговор окончится ссорой. Накричит на меня Анатолий Сергеевич от обиды не только за Анну Николаевну, за все его поколение. С тем и разойдемся. Но не такой он был человек.

– Ты не сердчай, Володя, мы старые, нас любой обидеть может. Потом я скажу тебе, между нами, личная неприязнь к тебе Николаевны не только от того, что ты по ее мнению, на мужика не похож. У нее, как и у нас, такого понятия нет, вшивый интеллигентшишко. Жалко, конечно, денег ты не можешь заработать для нормальной жизни. Думаешь, просто так она тебя журналистишкой называет? Ты, там, в своем, извините меня, в затрепанном журнале, изгаляешься. Думаешь, я не читаю твои опусы. Вот статья о Дзержинском. Помоями его облил. Это не честно, тебе человек из могилы ответить не может.

Вот он камень преткновения, мое мировоззрение. Как объяснить, что не могу я мыслить, как он или как Анна Николаевна. Если даже мыслят они правильно, и убеждения их

неоспоримы.

– Статья построена на архивных документах, – возразил я.

– Понятное дело, как же иначе, только, наверное, не на всех документах, есть, видимо, и другие, где тот же Дзержинский предстает другим человеком. Только сейчас время прошлое порочить. Ты смелый человек, черкани правду о Ельцине или, на худой конец, о Горбачеве.

Сколько же в словах Анатолия Сергеевича было язвительности! С подтекстом, ну что, брат, подловил я тебя?

– А руками разводишь! Архивных документов нет, а те, что есть под грифом «секретно»! Ты напиши о том, как в перестройке десять миллионов человек сгнули от хорошей жизни. О штурме Белого дома до сих пор молчат. Ты не обижайся. Журнал ваш поганый. Владелец-то, у вас сволочной олигарх. У него еще две газеты и канал на телевидении. Ясно, что он двигает демократические идеи. Только в их понятии демократия – это когда можно безнаказанно воровать. Дебилов из нас делаете. С нами это не пройдет. Молодежи мозги дурите. Журналисты, как проститутки.

После этих слов я встал и хотел уйти.

– Нет, ты постой, сиди, – Анатолий Сергеевич говорил настойчиво, в приказном порядке. – Я на правах старшего, ветерана войны, ты меня должен выслушать.

– Позвольте возразить, – сказал я, при этом подумав: «Я тертый калач, говорить умею.

При Советах журналисты не обслуживали власть? Может,

они правду писали, их как назвать? Теща неравным браком попрекает, для вас, Анатолий Сергеевич, я идеологический враг. Не правда ли, смешно. Откуда такая непогрешимая вера в свою правоту, ни тени сомнения на свой счет.

– Ты заумь не молоти, а правду свою мы выстрадали. Кто на войне, кто в тылу. Наша правда на крови, поте и слезах.

Что после этого скажешь, остается молчать, люди просто аннексировали права на правду под предлогом неоспоримых заслуг. Возражать я не стал, хотел просто заметить, каждый остается при своем мнении, и добавить, пожалуй, мне пора домой.

– По рукам, Володя, без обид. От меня всему вашему поколению достается. Я и Андрея с Таней отчитываю, и Лешу, ее муженька. Правда, Юлю большую и маленькую я ни-ни. Уж очень обидчивые эти дамы, чуть что, так губы надувают.

До этого разговора, я думал, что Анатолий Сергеевич расположен ко мне. Как-то он пригласил меня в гости, ознакомиться со своими воспоминаниями.

* * *

Анатолий Сергеевич пишет не спеша, скорее для себя и внучек, хотя по просьбе совета ветеранов. Симпатичный, бравый, опрятный и приятный. Он любит жизнь, об этом вы сразу догадаетесь. Хитрый прищур насмешливых глаз, видно, человек не разучился смеяться, шутить, подтрунивать,

рассказывать анекдоты. С ним легко говорить, общаться, совсем не старый. За обычным столом, накрытом простенькой клеенкой, он весь лучится и светится. Невольно завидую, хотелось спросить, как удалось остаться таким молодцеватым, сохранить память, писать таким ровным, красивым почерком.

– Почерк от характера зависит, поясняет он. Ухабистая у меня судьба. Наше поколение жило во время перемен. Шли дорогой немощёной, но, как видишь, добрались до Берлина, освободили Варшаву, Прагу, построили новые города, целина, БАМ, всего не перечислишь. Никогда я не терял присутствия духа, доверился Богу, судьбе и ровной линии не изменил, она и в почерке.

Телевизор он не любит, смотреть нечего. Вечером он читает Лодзинского, описывающего Киевскую Русь.

– Хочешь почитать? Ты как писатель оценишь мои писульки. У меня в кармане всегда припасена гость сухариков, спать нельзя было на фронте, вот и гоняешь их во рту, как конфетку, чтобы сон не одолел, и так к ним привык, что и сейчас они у меня в кармане. А вспомню, как на передовой рад им был, аж слюни текли, какими они тогда сладкими казались, не забудешь. Вот о солдатской славе молва, сейчас на нас смотрят, приглашают везде, подарки, а прежде-то не вспоминали. Города брали солдаты, а маршалы и военачальники, прославившись, не всегда вспоминали о нас. Не за маленькую толику славы клали мы свои жизни, даже и мыслей

таких не было. За то, что мы пережили на фронте, павшим и кому посчастливилось выжить, хотелось справедливости, Победы. Сейчас не вернувшихся надо чтить, а о нас заботиться. Хорошо, что ты не видел этой войны. Не найдешь самых поганых слов обозвать ее. Я видел, как рвало людей на куски, как кишки наматывались на гусеницы. Круглые сутки в снегу на морозе, а было мне восемнадцать лет. Вначале запасной полк в Харькове, сорок третий год, осень. Город был в руинах после немцев. В своей одежде мы месяц обучались. Кто должен был остаться в живых? Из восемнадцати ребят нашего класса с фронта вернулись трое. Мы были по существу не обучены. Много попало в плен. Кто-то в Польше, в Майданеке под Краковом, где делали из кожи человека абазуры и перчатки, был замучен. Воевал на первом белорусском фронте, командовал Рокоссовский. Брал Кенигсберг, Берлин, Прагу. В районном городе Гомеле началось наступление, я был наводчиком сорока пяти миллиметрового противотанкового орудия, проще сорокопятки, наш расчет подбил танк «пантера», за это я получил свой первый орден.

Мы шли сутками, спали на ходу. Вдруг стрельба и немцы, разрывные пули, казалось, что стреляют со всех сторон. Крик «танк» и один из них на нас идет, в прицел вижу, стреляю, рикошет. Он же идет, стреляет, кругом грохот, скрежет. Второй раз опять столп искр. И вот вижу совсем рядом, уже гусеницы в глазах вращаются, кричу «осколочный». Все завертелось, закрутилось, ору «бронбойный». Бронбойный

не берет, бесполезно. Осколочный разорвал гусеницу. Когда встал, на гусенице завертелся, показал бок, там броня поддается. Немецкие танки на бензине, бью бронебойным, загорелся. Когда понял, что подбил, остановил, все стало безразлично. Не пойму, что и где. Вижу, из горящего танка вылезают немцы и их наш расчет расстреливал. В этом бою у моего товарища Коли Москальца, моего однокашника, из одного расчета, вся шинель была порезана осколками. Мы рассуждали, хорошо это или плохо. А после перекрестились и опять заняли боевые позиции. Было приказано взять стратегическую высоту, на которой стояла деревня, того же хотели и немцы. Сделали передислокацию, для орудия вырыли огневую позицию, а для себя каждый мелкий ров, обложили ящиками и залегли. Захотелось вдруг закурить, свернул сигарку, нагнулся, и в это время меня вдруг взрывной волной обдало, рядом мина разорвалась. Вот как мы встречали смерть, она, незрячая, вслепую лупила без разбора. Всего один осколочек и прямо в сердце Коли, котелок в стороне. Коля, Коля, что с тобой? Перевернул его, застывшее лицо слилось со снегом. В тот ровик, что он сам себе вырыл, положили его, завернув в плащ палатку, а сверху просто поставили снаряд. У меня обмотки на ногах обгорели, прилипли, полуистлевшие. Ходить уже было неважно. Постоял я возле убитого, на нем они целые были, обмотки-то. Но не смог снять, промучился в них до госпиталя, когда раненого меня свезли. Там их с меня срезали вместе с кожей, пятнадцатого

апреля я был ранен, пять месяцев провалялся в койке. Города оставляют солдаты, а берут города генералы. Вот что бы это значило. Никогда я не курил, а когда Коля погиб, до того момента сигарку свернул. Может огоньком Богу повестил, вспомнил Его, а Он и спас меня.

Вот она, проклятая Германия, ходил я по Берлину, стреляли отовсюду, из пустых окон, подворотен, из углов. Я понял одно: война ненасытная смертью. Цеплялся за веру, как за подол материнский в детстве, чтобы не упасть и не пропасть. Девятого мая немцы стали сдаваться, над рейхстагом наши знамена. Нас двинули на Прагу. Было еще много потерь и смертей молодых ребят.

А что сейчас, эти америкашки санкциями говорят, бесполезно. Трудности нас только мобилизуют. С Украиной у нас одна судьба, мы лишь по недоразумению разминулись. Переустройство души человеческой идет невидимо, но нет силы разъединить одну кровь. Сердце, обожжённое болью, ноет оно во мне, сплю и вижу Украину. Ох, и глубокий ров роют между русскими и украинцами недруги, но как говорит пословица: «не рой яму, сам в нее попадешь».

Когда умру, душа крохотной птицей невесомой и прозрачной, как легкая дымка, как еле различимое облако устремится в то место, где родился. На хутор, о котором только я и ведаю. Прощаясь с Родиной, окину взглядом памяти, где будет все, люлька с колы белью, что качала мать ногой, привязанной бечёвкой, ухитряясь при этом еще и

прясть. Ее сладкий напев забытой песни, такой тихой и такой тонкой, словно сон. Убаюканный, я видел такие неведомые сны, в которых тепло, светло и все так близко и дорого. Когда душа ребенка с небесной чистотой, еще невесомая между небом и землей не ведает, что ей грядет. Время терзало эту душу, и она обугленная возвращается, как небесный дар к дарителю. К нелицеприятному судье. Боже, взмолюсь я, не прощенья взыскаю со слезами, даруй мир Украине».

Анатолий Сергеевич, простой и великий. За свою жизнь выслушал много подобных рассказов ветеранов о подбитых танках. В моей памяти стоят эти исполины гарантами будущего России. Они не дадут нам сбиться с пути, их подвиг – наш компас.

Глава II. Любовь неслыханной простоты

Спустя годы Анна Николаевна смягчилась, тем более вопрос о деньгах был снят. Удивительное дело, но мои публицистические книги очерков о бывших советских партийных и государственных деятелях, выдержали несколько изданий с приличным тиражом. Журнал тоже ожил, атмосфера в стране после смерти первого президента изменилась к лучшему. Меньше стала криминала, а одиозные деятели переселились в Лондон, в свои поместья и дворцы.

Как ни странно, но на фоне относительного благополучия наша Анна Николаевна вся, как говорят, из себя, с подкрашенной сединой, с перманентом, так тщательно следившая за своими руками, не забывающая выщипать и подкрасить брови, улыбающаяся куда чаще, чем прежде. Радующаяся тому, что внучка Лизонька родилась здоровой и красивой. Сама же поддалась недугу и начала чахнуть на глазах.

Вначале у нее была просто слабость и кружилась голова, потом стремительное ухудшение. Я заметил, как невзначай посерело ее лицо, руки стали, словно тончайший фарфор, и вся она вмиг стала таять, казалась невесомой, хрупкой, что вызывало опасение. Так и ждешь, не ровен час расколется, рассыплется. Рак скрутил ее за несколько дней, непроходи-

мость желудка, через месяц ее не стало. Свою внутреннюю тревогу Анна Николаевна пыталась скрыть внешней раскрепощенностью. Но, присмотревшись внимательно, можно было заметить с какой натугой, нарочитостью звучала каждая ее фраза, это сразу рождало тревогу и подозрительность. Даже за столом, в компании друзей и родственников, где хороносила, всех подначивая, заводила, казалось, была самой веселой и неугомонной, простой, своей в доску. Видно было, что у этого человека какое-то внутреннее напряжение, что не свободна в своем внутреннем мире, кто-то или что-то мешает ей быть самой собой, вести себя как ей хочется. То ли внутренняя боль, переживание за дочь, то ли старость с болячками. Потом выяснилось, как тяжело была она больна.

– Аннушка! Анюта! – кричали ей за столом, будь-то день рождения или поминки. Говори ты, у тебя получается складно и умно, никого не обидишь, ничего не забудешь.

Сестры звали ее артисткой, смехом, и при этом так дорожили ее дружбой и вниманием. Уважали безмерно: Аня с образованием, преподает в университете, книги пишет, пристроила учиться наших детей. Ей позвони в любое время, она в ту же минуту, как скорая помощь, рядом.

* * *

Для жены смерть матери была потерей невыносимой. Вера слегла, истерзанная слезами и бессонными ночами. Все

это сказалось сердечной недостаточностью. Хорошо, что в ее классе была родительница, известный кардиолог, которая поставила на ноги. И кстати, Петр всегда был рядом.

Я ему очень благодарен за это.

С Анной Николаевной у него были особенные отношения, он умел с ней ладить. Вообще, у него к женщинам был особенный подход. Везунчик. Краем уха улавливал из своего кабинета отрывки их бесед.

Любила Анна Николаевна поиграть, как она выражалась, в дамки, особенно когда являлся Петр Владимирович. Он себя долго не заставлял ждать, ему разрешено без звонка и приглашения. Всегда встречала его на пороге:

– Здравствуй, Петенька. Дай я тебя поцелую. Какой у тебя дорогой парфюм, не иначе как от Армани. Ну, что ты на этот раз Лизоньке привез? Опять платье или шляпку?

А когда они проходили в гостиную, по ритуалу следовал один и тот же вопрос.

– Ты, милый друг, злодей или любовник?

При этом она так ехидно и саркастически прищуривалась и хихикала, что Петя терялся и менялся в лице, то изображая недоумение или недоумка, то метущегося в догадках и стоящего на распутье, или не совсем трезвого человека.

– Признавайся, я все прощу! После этих слов произнесенных уже не на полном серьезе, а с явной иронией, становилось ясно, что это всего лишь, как всегда, игра.

– Только не надо другом прикидываться. Кого больше лю-

бишь Лизоньку или Веру? Мне интересны интриганы!

– Конечно вас, – подыгрывал Петр Владимирович – Вы у нас фигура беспрюирышная.

– Шутка или издёвка, или то и другое сразу? Хозяйке польстил. Мне приятно, не скрою. Ты вот монархист и ратуешь за былую Русь. Все равно, ты мне симпатичен. Только давай сегодня про наркоманов не будем митинги проводить. Я в прошлый вечер так испереживалась, спать не могла, а чем я, старуха, могу им помочь, как и бездомным и беспризорным. Вселенское зло в душах человеческих и ничего с этим не поделаешь. Давай в подкидного сыграем, пока Вера накрывает на стол. Про Володю не интересуйся, он «великих» на бумаге марает словом. Ты шаржи ему рисуешь на тех, на кого мы молились. В гражданскую, рьяные, неимущие иконы рубили топором по всем святым. Теперь по коммунистическим идолам карикатурой, это гуманней. Прогресс все-таки есть. Гуманизм зашкаливает, убивай, наказание, всего лишь, пожизненно и то не всегда. Как и прежде, закон, что дышло. Сколько заплатил, так и вышло.

– Вы, Анна Николаевна, очень предвзяты к нашему с Володей творчеству.

Петр Владимирович, как всегда, осторожничал, при этом не оставляя попыток дать понять, что не во всем согласен.

– Бумагомарательство стало творчеством. Журналистишка в газетенке чирикает, и что ж теперь его к бессмертному Петрарке причислить?

Чего у него не отнимешь, подумала при этом, умеет ловцом душ быть, может всех взбудоражить вселенскими идеями, хоть стой, хоть падай от его высказываний. Получается у него и успокоить. Мастак внушить своим проникновенным голосом, подвести человека к исповеди. Рассказывают ему люди. Располагает он к доверию. Слово может подобрать сокровенное, ключевое, и люди ищут с ним общения.

Затем шло сравнение. Петька весельчак и балагур, любит жизнь, женские прелести, с ним легко. Он свободный от предрассудков. Ни на чем не заиклен. Его лозунг: удовольствие – превыше всего. Этим он уязвим. Чуть что, какое испытание, теряется. Становится беспомощным.

– К Петрарке, пожалуй, нет, не дотягивает малек, может к Овидию. Хотя тот и другой поэты, если Курносову-Дураевскому, – засмеялся Петр Владимирович тем издевательским смехом идиота, который может вывести из себя кого угодно. При этом наигранном и фальшивом хохоте слышалось не столько от Фауста и Мефистофеля, сколько от балаганных скоморохов, что от выпитого впадали в безумие или в белую горячку, уже не изображая скотов, а становясь ими. С глазами навывкате белого яблока, словно, большого бельма, что проглотил зрачок и делал человека безобразным. Да к тому же, со ртом на боку и перекошенной мордой, ну чистая образина. Сейчас такие не редкость, только скоморохи современные вместо бубна и балалайки, да водки вгоняют в себя шприцами дурь. Страшная действительность.

– Ты о чем задумался, Петр Владимирович, не иначе как о душе своей Лизоньке? Не о Володьке же. Ну его, на дух не переносу, пузырь. Пусть строчит, хоть деньги зарабатывает. Я тебя, Петя, все хотела спросить, как ты женщин любил, расскажи. Все художники такие моты и ловеласы, от политики я просто устала. Надоело слушать врунов. Вы, Петя, тоже все время врете. Почему Веру в мастерскую не приглашаете, небось, новая пассия. Опять обнаженная натура. Монархисты, они люди чести. Монархия, разве теперь соберешь пыль, развеянную историей. Вот он Российский трон, да кто на него сядет? Где тот человек, кто объединит земли русские? Кто возродит славу и русский дух? Кому это под силу? Только Атланту, но он занят, держит небесный свод. Ну да ладно, что я все лепечу несусветное. Старуха несносная. Какой ты право, Петя, благородный, видно сразу породу. Аристократ до кончиков ногтей или с младенческих когтей, – сказала и засмеялась на себя, как ей казалось на удачную острогу.

После небольшой паузы Петр Владимирович понял, что может брать эстафету разговора.

– Вера с Лизой у меня были на сеансах, скоро будет готов их двойной портрет.

После этого Петр Владимирович хотел продолжить о том, что сейчас работает над портретом президента Газпрома, на фоне интерьеров средневекового замка.

Но его прервала Анна Николаевна.

– Ты говоришь не о том, о чем думаешь. Я любого вижу насквозь, тебя за столько лет так изучила, что по каждому твоему вздоху угадаю, про что твое сердце ноет. Это Володя блаженный, он верит. Я – женщина, все понимаю. Почему ты Вере не скажешь, чтобы она развелась и вышла за тебя.

Сколько же было настойчивости в этих словах. Казалось, что еще мгновение и старуха не постесняется показаться злой.

– Анна Николаевна, – после этих слов Петр Владимирович остановился и посмотрел на нее умоляющим взглядом. – Это не первый наш разговор. Здесь Вера должна решать.

По всему было видно, Петр расстроен и растерян, а может быть, и растерзан.

– Петр, будь твердым, Петр – камень по-гречески, а ты, словно Петручио в клоунском наряде. Пора повзрослеть. Скажи своему другу Володе о ваших отношениях с Верой. Только не страшись: такое случается, ты не первый и не последний. Это жизнь, в ней всему есть место. Это сплошь и рядом, чему удивиться.

В арсенале средств достижения своих целей, вербовки сторонников и обращения в свою веру Анна Николаевна использовала тактическую уловку, уговоры.

– Опять же, это только Вера может сделать.

– Кто же из вас троих демон, кто вами крутит. На любовь не кивай, она как факел, все спалит.

Анна Николаевна говорила как бы сама себе, словно бы

рассуждая вслух. Может быть, вспоминая что-то подобное из своей жизни. Неужели ей посчастливилось обжечься тем испепеляющим огнем.

– Любовь бывает разная, позвольте заметить, – отозвался Петр Владимирович.

Голос его прозвучал, как показалось Анне Николаевне из какого-то забытья. Сердце примет ли мудрое решение, если разум не может разобраться в чувствах. Что мешало Петьке понять себя.

За столько лет в этом доме был не один такой разговор. Не все я слышал, и не при всех был свидетелем, о чем-то я догадывался, но не обо всем. Впоследствии для меня многое оказалось неожиданным.

Теща со свойственным ей математическим складом ума презирала гуманитариев, считая их недоразвитыми, с туманом и неясностью в голове. Со своими уравнениями, плюсами и минусами всегда должна была любую ситуацию и разговор подвести к знаменателю. Вычеты, сложения и неминуемый результат без скидок на обстоятельства и эмоции.

Люди в ее сознании проходили по баллам, их жизни она ставила оценки, как правило, нули, колы и двойки.

– Юродивый Владимир Петрович тоже пребывает во мнении, что у него любовь.

Ядовитый сарказм умнейшего человека, видимо, разочаровавшегося во всем и прежде всего в дочери. Она не оправдала ее ожидание. Это было не внушение, насаждение сво-

его мнения. Мы постоянно испытывали с ее стороны психо – эмоциональное давление. Эти соответствующие взгляды, недовольства, неодобрение, а то и просто, рассерженность. Сокрушительные охи, ахи и тон, не терпящий возражения.

Сейчас Анна Николаевна была предельно серьезна и раздражена, сидя в кресле, она поправляла на себе кофточку, слегка одергивая ее, как бы разгладив замины. Убедившись, что все пуговицы застегнуты, приосанилась. Выпрямившись, приподняла подбородок, продолжила.

– Я ему сколько раз говорила: глаза открой. До него не доходит. К нему Лизонька так прикипела, а «большого» ему не надо. А ты лишил себя такого счастья, – она с укоризной, зло ткнула в него пальцем, – Молчишь, сказать нечего, а душу, поди, жжет.

Петя встал. В нем все кипело, на скулах обозначились желваки, глаза, округлившись, смотрели с безумием. Видимо, эти слова ранили его в самое болезненное место.

– Старуха, черт возьми, права. Уже столько лет эти муки. Сам виноват, своими руками свое счастье, что же я сделал с ним, безумец?

И вдруг отчаянье, что уже ничего не вернешь, сменилось нервной веселостью, и он, готовый пуститься в пляс, тихо запел с блеснувшими от слез глазами.

«Не сыпь мне соль на рану, она всегда болит».

Все это в разных вариациях было прелюдией разговора за обеденным столом.

– Владимир Петрович, Петя кто вам, друг? – спрашивала Анна Николаевна. – Заметьте, милый друг.

И вдруг резко заключила: – Разведитесь с моей дочерью, развяжите ей руки.

– Не лезьте в нашу семью, – твердо говорил я, зная, что все закончится последней фразой Веры.

– Сколько можно мама, я же тебя просила никогда об этом не говорить, я сама все решу, эта моя жизнь. Вера менялась в лице; оно вдруг становилось непроницаемым. И слова ее были куда резче и жестче, чем слова матери. Воцарялось молчание.

С появлением за столом Лизоньки подобное было уже невозможно. При ней никогда никто не позволял сеять сомнения в благостное отношение в семье, только согласие и гармония. Внутренний мир ребенка для всех был священным пристанищем света.

Пока он мерцает, есть жизнь, надежда любовь и вера.

Смолкало все недосказанное, злость, нервы, болячки, старость, вся внутренняя неустроенность забывалась. Если бы не было этого цветка Лизоньки, жил бы я еще. Только она не дала нам сойти с ума.

Маленькая, она уже проявляла характер и настойчивость, чем-то похожая на бабушку. Занималась дрессировкой пе-

сика Степы.

– Тебе нельзя есть сладкое, говорила она, дразня его конфетой. Шуршала перед его носом, давала понюхать.

– От конфет у тебя будут слезиться глаза, а у меня могут разболеться зубы. Я тоже их не буду есть. – Степа, – говорила она голосом бабушки, что в большей степени занималась воспитанием внучки. И тон был наставительный и требовательный.

– Степа, мы идем гулять, иди ко мне, я надену тебе поводок.

Пес крутился вокруг нее и лаял. Его явно забавляла игра маленькой хозяйки во взрослого человека. Потом бабушка брала на себя руководящую роль, и они выходили на улицу.

– Лизок, за мной, – командовала она.

Степушка, Степуля, Степаша, – каких только ласкательных имен не придумала Лизок. Степик понимал ее с полуслова, с одного движения, ловя ее каждый взгляд. Преданнее существа, казалось, не было на свете.

Лиза пошла в Верину спецшколу с английским уклоном. Правда, в свой класс мать ее не взяла, посчитав это неправильным. Побоялась быть к дочери более снисходительной, чем к другим детям, утверждая, что непременно испортит отношения в женском коллективе. В школе могли истолковать это превратно.

Лизе нравилось что-то отстаивать и кого-то защищать. Уже в шестом классе дочь проявила себя лидером, органи-

зовала компанию против одного пацана, ругавшегося матом и придумавшего клички. «Обзывала» нарекла его Лиза. Все следом стали его так называть. Парень понял, против всех не попрешь.

– Это ты, Рыбка, – спросил он ее, – придумала? То в кабинете зоологии от аквариума оторваться не можешь, на рыбок не насмотришься. То кошек школьных, блохастых на себе таскаешь. Теперь за меня взялась?

– Я, во-первых, не маленькая рыбка, а акула и сейчас тебя так тяпну, да еще кошек на тебя натравлю, чтобы они тебя описали и облохастили.

– Да ты больная, я родителям расскажу. Они в школу придут разбираться.

После этого, не сговариваясь, весь класс, объявил ему бойкот. Никто с ним не разговаривал, и пришлось ему перейти в параллельный класс.

Елизавете приобрели большой аквариум, нашли ему место в квартире особое. Как она бредила стихией воды. Перед сном подходила к аквариуму и, просыпаясь, здоровалась с рыбками.

Из школы Лизоньку иногда забирал Петя. Они вместе возвращались домой, садились обедать. Было шумно и весело, выходя из своего кабинета, я умилялся, глядя на это.

Однажды еще в начальных классах Лиза рассказала учительнице, что у нее есть еще папа.

– Это правда, – уточняла она, – у вашей дочери два отца?

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Она так говорит.

– Всерьез слова ребенка не воспринимайте. Это – друг семьи. Случается, забрать некому, в силу каких-то обстоятельств приходит он.

Дома я попросил Веру, можно избежать этих кривотолков?

– Не обращай внимания, – бросила она мимоходом, – это не заслуживает того, очередная глупость.

Неожиданно меня поддержала теща.

– Ты Вера, отрегулируй этот вопрос, а то, ставим нашу крошку в неудобное положение. Удивительно, что возникают такие двусмысленности в вашем педагогическом сообществе. В хорошую погоду буду ее забирать. Пете надо объяснить, пусть не обижается.

Теща всегда давала понять, последнее слово за ней. Руконеводить она не забывала, тогда, как чем-то другим себя не обременяла. Не очень старалась готовить, убираться, и даже не допускала мысли примерить на себя роль домохозяйки.

– Нашли бесплатную прислугу? – иногда она выходила из себя и кричала. – Почему это я должна подавать? Это вы мне подайте, – с вызовом говорила, – Скажите, спасибо, что за Лизой присматриваю.

Я сидел, погруженный в воспоминания, угнетенный тоской по Лизе. Нигде невозможно было забыться, где спрятаться в своем сознании от боли, что выедаёт мозг, словно кислота. Почему дети так к нам жестоки? Даже не догадываясь при этом, что родители в душевном аду от равнодушия и безразличия к ним. Как их при этом можно упрекнуть, когда они часть нашего сердца, клапан и мышца. Мы всегда их оправдаем и находим объяснение любому поступку, так нам легче.

Из этой кручины вывел сотовый. Это была Софья Федоровна.

– Володя, прости, что беспокою, – заговорила сбивчиво и торопливо слегка басовитый голос Софьи Федоровны чем-то напоминал мужской, но не казался грубоватым на фоне свойственной ей лукавой улыбочки, что как бы говорила, мол, знаем вас, что вы за птица и куда летите. Ничего заискивающего и комплиментарного, редко когда она кого похвалит, если промолчит, не оговорит, значит одобрение получено. Полушутливая форма общения с близкими была свойственна ей, в первую очередь, с Анатолием Сергеевичем, затем с Алексеем, с Таниным мужем, что воспринимал это с обидой.

Леша не понимал её юморка, а потому часто ссорились и жить вместе не смогли. Леша жаловался Тане:

– Твоя мама постоянно смеется надо мной и острит на мой счет.

Таня вставала на защиту мужа.

– Мама, прошу тебя не надо, эти колкости до добра не доведут.

– Да я просто по-доброму, журя.

– Нет, мама, ты смеешься, даже мне обидно за Лешу.

– Ну вот, какие вы обидчивые.

– Простота хуже воровства, – встревая в разговор, поминал пословицу Анатолий Сергеевич. И добавлял, – Шуточки неудачные, и необходимости в них нет.

Голос Анатолия Сергеевича порой выводил Софью Федоровну из себя.

– Толя, ты можешь не скрипеть своим голосом? Мне кажется, он состарился у тебя раньше, чем ты сам.

– Не мешай мне, я читаю бессмертного Кобзаря вслух. Послушай, какие напевные стихи.

– Ну уж пение твое, вообще, не выдержу.

Все это заканчивалось смехом.

– Ты старый дурень.

– А ты дурында.

Удивительно то, что голос Тани был схож с материнским. У Андрея – с отцом. Впрочем, и во всем остальном, прослеживалась это последовательность. В манере двигаться, у женщин она была резче, порывистее, как и говорить сбивчиво, быстро и громко, при этом жестикулируя руками, слов-

но дирижёры большого оркестра. А Андрей с Анатолием Сергеевичем демонстрировали во время разговора сдержанность и уверенность. Лишь с возрастом отец иногда срывался, когда ему казалось, что сказанное им не доходит до собеседника. Все остальные члены семьи: Юля большая – жена Андрея, и маленькая, их дочь, умели выразительно молчать и были немногословны, очень ценя каждое произнесенное ими слово. Таня, Леша и Олечка, в отличие от них, были людьми открытыми: не ограничивающими свои эмоции, как правило, позитивными, не стеснялись громко смеяться, плакать, обижаться. Не считали проявление своего характера чем-то предосудительным и не думали его маскировать каким-то этикетом, как они выражались.

* * *

– Ты можешь выслушать меня, вы еще не спите? Я не потревожила бы, дело неотложное. В троллейбусе, при людях, не решилась. Как говориться, пришла беда, раскрывай ворота. На Таню подала в суд заведующая детским домом, где она работала. Подложили ей в сумку куртку подростковую, новую, с ярлыком. Она в спешке даже не посмотрела. У ворот ее уже ждала полиция.

В трубке послышалось всхлипывание.

– А все почему? Таня узнала, что заведующая детьми торгует, и высказала ей. Мол, это преступление. А та ей, такая,

знаешь ли, вся из себя, дама полусвета преступного мира.

– Дура, в ногах у меня валяться будешь, молить о прощении.

– Там, в детском доме, все на цыпочках перед ней. Тане сотрудницы, что были при разговоре, подсказывают прикладывая ладонь к губам: «Рот закрой».

Мол, молчи, в порошок сотрет. Ан, нет, у нее словно одно место горячим дегтем намазали, вожжа под хвост попала. Взвилась за детей и справедливость, вот и получила. Суд ей будет, замылила детские вещи, сирот обобрала. Ее учат окопавшиеся там старожилы, признайся виноватой, условно дадут. Тебя Лидка, это заведующая, даже не уволит. Она многих здесь так ломала, в свою веру обращала. Будешь с ней за одно и в страхе перед ней. Она наша мама. Станешь овцой в ее стаде. У нашей мамы в думе и во внутренних органах, даже в министерствах свои люди. Она на хорошем счету, образцовая. Благодаря ее получаем премии.

Я слушал и поймал себя на мысли, что сейчас подобным никого не удивишь. Подлость сегодня в порядке вещей.

– Володя, поговори с ней, урезонь, – вновь всхлипывание. Ты же знаешь, мне сейчас с Толей разобраться, похороны его, такая тяжесть. А здесь еще Таня привалила камнем стопудовым. Скажи, что у нее ничего не получится. Она думает, что ты в свой журнал разоблачительный материал дашь. Я ей сказала, что ты там больше не работаешь. Надеется на твои связи. Еще заявила, куда смотрит Бог. Спрашиваю, ты

давно такими вопросами задалась.

– Мама, развеяй сомнение. Почему зло торжествует?

– Дочка, убеждаю ее, Бог шельму метит. Плохое хорошим не закончится. Она мне во зле бросила, словно камнем в лицо.

– Неужели ждать, пока веревочка виться будет.

– Здесь еще Оля, любимая внучка, в больницу попала. Пошла в бассейн, там у бортика плитка отвалилась, как раз в тот момент, когда из воды выходила. Не заметила, живот поранила. Плохо стало от вида крови, упала и расшиблась. А Таня вместо того, чтобы дочь лечить, за правду голову на плаху.

– Софья Федоровна, не надо так мрачно. Все мы, малодушные, сразу в отчаяние впадаем.

Мне самому бы выговорится, – подумал я при этом. На душе такие валуны, и глазами не охватишь, как и беды наши. Сознание на них не хватает. Это как смехом говорят, ум в раскорячку. Но не стал смешить Софью Федоровну в такой момент, обидится.

– Это я сгустила краски для пущей убедительности. Самой пойти к этой заведующей и удавить тварь у всех на глазах. Мне, старухе, все равно. Только не справлюсь со змеей подкольной. Толик с ума сошел бы от всего этого. То Андрея судили, теперь Таню. Так воспитал правильно. У него, куда не глянь, все ровно, что не отмерь, все верно, что не посчитай, все правильно. Андрей много добился «своим» Арх-

надзором? Деньги ломовые, все снесут, даже исторические постройки. Торговля детьми, такие деньжищи. Лешка, Танин муж, не понимает, зачем это ей нужно. Что она трехжильная? Для этого есть компетентные органы, написала бы на сайт, в Интернете «раструбила». В общем, подала обществу сигнал SOS. Загнется от нервов, а у нее дочь с недобором веса, худая до невозможности. Ну, ты Лешу знаешь, он думает как лучше своими коррективами, а сам только масло в огонь подливает. В общем, дым коромыслом и тартарарам. Внуши ты ей, ты умеешь, пусть умерит свой характер, не воин она. А за той заведующей детским домом, проходимкой, купюры стоят щитом. Таня тебя уважает и романы твои читает. Пусть не обольщается на твой счет. Журнал не ты издаешь, а связи у тебя порваны».

Такие ситуации с разными вариациями сплошь и рядом, это сейчас в порядке вещей.

Было что-то подобное и в СССР. Могла ли советская идеология изменить человеческую природу, ее склонность к подлости и пороку?

* * *

С обложек журналов на нас смотрят герои нашего дня, богатейшие люди планеты по версии солидного издания.

«Законопослушные» граждане с лексиконом: акции, облигации, биржа и валюта, твердят как мантру: дивиденды,

проценты и прибыль, цены на нефть, недвижимость и тайные схемы оффшоров. В их внимании сильные миры сего, коих надо как-то подмазать, чтобы бизнес не скрипел. Также не брезгают чем-то низким, убийством, грабежом, лелеют в себе тайную мысль, о чем-то непроизносимом, скользком, мерзком, а то и кроваво-жестоким. Внешне респектабельны и безупречны в манерах. Держатся с достоинством, вызывая уважение у окружающих. Садясь в иномарку, личный самолет или яхту в поисках острых ощущений, мечтают вкусить всю страсть человеческой низости, пускаются во все тяжкие. Моральные уроды не отягощают свою совесть мыслью о Родине, России и о народе, что с трудом сводит концы с концами, вымирает.

Человечество узнала свет в образе Христа, осознало горизонты внутреннего совершенства. Сегодняшний упадок морали говорит о переходном моменте общества. Как наглядно проявилась человеческая суть в войне на земле Новороссии. У одних – героическая, у других – звериная.

Неугомонный во времени дух войны ждал момента нарушить мир, искал любой повод, любую возможность. Сторонники духа войны подстраивали пакости с целью спровоцировать конец света. Неслучайно поспешили они обвинить Россию в гибели малазийского Боинга над территорией юго-востока Украины. Произошло это в момент, когда там же летел Путин. Два самолета почти пересекались в воздухе. Запад бросил клич по всему миру: «Обмажем Россию дерьмом,

чтоб все люди Землю нос от нее воротили».

* * *

Таня всегда поражала меня своей прямоотой. Все это резкое, неудобное, колющее, что было в Софье Федоровне, в ней было заметнее.

Помню, когда она работала в библиотеке, устроила мне встречу с читателями. Все, как обычно. Перед началом слышу разговор Тани:

– Он выступает бесплатно, три гвоздики можно позволить.

В ответ, как потом выяснилось, директор библиотеки.

– Ты же знаешь, денег нет даже на канцтовары, мы его чаем угостим, а цветы мужчине ни к чему.

– А у вас ни на что денег нет, куда они деваются?

– Что? – Татьяна Анатольевна – директор, возвысила голос, – что вы себе позволяете? Что вы имеете в виду? Сейчас у меня времени нет. Потом я с вами поговорю. Проводите мероприятие, я отлучусь по делам.

Таня и виду не подала, думая, что я не слышал разговора, я последовал ее примеру, словно и впрямь не ведаю.

Звонок телефона вернул меня в действительность.

Это была Таня. Представляю ее с сотовым в руке. Как всегда, с локонами, что совсем противоречило ее наждачному характеру.

– На самом деле волосы жидкие, хочется, чтоб они смотрелись попышнее. Делаю холодную завивку бигудями, – объяснила она мне как-то раз.

При встрече всегда замечал характерный нос, в этом находил ее сходство с отцом. Немного крупноват, но не настолько, чтоб испортить лицо. Она, как и Андрей, люди симпатичные и приятные в общении, с наличием характерных особенностей. У Тани особенная черта – докопаться до сути, до тошная, в отца, ей непременно надо уяснить: как, что и к чему. Любой случай, явление, ситуацию надо тщательно разобрать, чтоб не ошибиться в решении и выборе.

Андрей больше похож на отца и более явно проявлялся нос, отчасти, напоминающий гоголевский. Если Таня что-то взяла от матери, более крупные глаза, чем у Анатолия Сергеевича, и движениями более резкая, то Андрей и телом, и ростом, и манерой говорить, и интонацией, тембром голоса был копией отца.

– Володя, я тебе расскажу с самого начала. Когда я пришла работать в детский дом, вижу светлое красивое здание, все в нем есть, название душевное – «Теплый дом». Воспитательниц дети мамами зовут.

Все образцовое, по телевизору показывают, лучшим называют. На самом деле, подземелье, катакомбы. Все злые, за исключением, двух, трех воспитателей. Следят друг за другом, не дай бог, кто больше другого украдет. Весь процесс умыкания контролирует заведующая. Всем в сумочки, ей в

машину. В общем, бизнес-проект. За столько лет все продумано до мелочей, вместе с комитетом образования и полицией, плюс иностранные агентства по усыновлению. Продажа детей на потоке.

Я наивная дура, так мне сказали, уличила зло, о котором знамо известно, но недоказуемо. Мне бы, недалекой, что-то заснять, где-то звук записать. Полгода отработала, хотела полюдски, мол, разве так можно, но не изверги же вы. А мне как идиотке: «Да ты больная что ли, дети-то отказные, наркоманов, алкоголиков. Им что здесь пропадать, что там, в европейских притонах. Да хоть они на органы пойдут, нам-то что».

Вот Володя, такое равнодушие. Я как услышала, мозги закипели... Что можно сделать? Махнуть рукой или обеими развести в стороны. Просто угнетает собственное бессилие и торжество зла. Потом, они все так оформляют, справки покупают, вроде дети безнадежно больны. Пакет документов в их пользу, и наши ребята во всех странах. Кому интересно, что с ними там. Система отполированная: ни сучка, ни задоринки. Так гладко, не придерешься, все законы соблюдены, комар носа не подточит, не говоря о чиновниках – хапугах. И они еще тыкают мне. Сама бы так делала: и воровала бы, и продавала бы, только мелко плаваешь.

– Как же это случилось? – прервал я ее. – Неужели, кроме тебя, некому было обличить. Ты не почувствовала, что сумка тяжелая?

– Сама не знаю, воровкой стала вмиг. В горячке, взбудораженная, показалось странным, сумка вроде легче была. Да и думать не додумала. Перед этим заведующая отчитала меня, что я не по методике развивающие игры провожу, что план занятий не поминутно расписан. Это как раз было перед выходом. Я на все это заявила, что ухожу по собственному желанию. Она в ответ съехидничала, мол, малой кровью не обойдешься, я тебя на всю оставшуюся жизнь проучу.

За воротами засада. В полиции за воровство новой куртки по весу небольшая, как и по объему, новая пять тысяч рублей значилась на ярлыке, возбудили уголовное дело.

До этого было предчувствие, гадала, что может произойти. Поду мала, Оля в бассейне пострадала, вот тревога, отец умер, еще боль. И не подумала, что возможна такая подлость. А там, в детском доме, это давно практикуется, одним словом клоака. И люди находят себе оправдание, мол, дети придурков, не имеют право на жизнь, их и так извести надо, называют биомусором. Если не украл, день прожит зря. Заведующая очередной загородный дом строит, теперь уже для младшего сына, он тоже женится. А мишура, так она о своих сотрудниках, с мечтами помельче: машины, шубы и далее по списку всего смысла жизни: ремонты, заграница. Имущественное сознание. Ты бы написал об этом: про это время, этот век. Что люди так суетятся ради барахла. Может, правда, в социализме больше человеческого? Запуталась я, Володь. Зачем в это дерьмо полезла. Леша с Олей меня руга-

ют, говорят, последнее здоровье там, в темном царстве оставишь. Я сама не рада. Нас отец бойцами воспитывал, но система неодолима. Видно, принять мне позор. Я уж смирилась, может, условно отделаюсь, прежде незапятнанной была. Думала, на суде расскажу все, как есть, теперь поняла, бесполезно. Из библиотеки ушла, тоже с директором поругалась. Такая изворотливая аферистка. Двадцать лет всех «дуррила» вместе с начальством от культуры. К примеру, вместе с центральной библиотекой и филиалами числится шестьдесят сотрудников, а реально сорок. За остальных, она по липовым трудовым зарплате брала себе. И все об этом знают и молчат. И что бы она ни делала в своей вотчине, какой ремонт или мероприятие, с каждого государственного рубля половину в свой карман. Конечно, делилась со всеми, с кем нужно. Коммерческое предприятие за государственный счет. А зачем? Завидную жизнь устроила себе и детям. Остальные мрази не умеют жить.

Уходила, глядя с тоской на зимний сад, фонтан, диваны, кресла, ковры. Конференц-залы, кабинеты, кухни, думая о замерзающих бездомных. Говорила им, давайте спасем хоть несколько человек.

– Что ты пристала к нам, ненормальная, здесь же библиотечный фонд, хранилище, мы за него отвечаем, материальные ценности.

Увещевали.

– Ты не права, у библиотеки другое предназначение. Бом-

жи грязные, больные, грубые и неприятные, во что превратится вся эта красота и чистота. В сонном царстве, – добавляла я.

– А сколько я просила открыть на сайте страничку о творчестве наших читателей: о тех, кто печет и вяжет, сочиняет, поет. Какое там, читателей отваживали любыми путями: и резкостью и неучтивостью, и неприкрытой грубостью, вызывающим тоном. А когда кто-то жаловался, присылал на сайт свое недовольство, живо все удалялось.

Когда на Украине началась гражданская война, предлагала в пустующих помещениях устроить хотя бы по одной семье в каждой библиотеке. Меня возненавидели.

– Ты у себя в квартире приюти, добрая нашлась за счет государства.

– Иногда думаю, что у меня за характер? Неужели, я такая правильная.

Про себя она-то знала, Лешку отбила. Вот весь сказ. Неприглядная история. До сих пор корит себя. Влюбилась, как школьница.

– Бывает такое, «прошибет чувство», – говорил отец, когда она ему историю любви выложила. Запал ей Лешка в душу.

– Такой замысловатый, все хотела разгадать, от чего грустит, когда другим смеяться хочется. Обнимет, с таким трепетом, словно, правда любит. Хорошо, что от той бабы детей не было. Помнишь, перед отъездом в Германию судили Ан-

дрея, – продолжала она. – Я еще тогда посмеялась над ним, даже по думать не могла, что такое же может случиться со мной. Не зря говорят, от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

Хотел спросить, какая связь ее любви с историей на работе. Да и Лешу я знал плохо, видел лишь несколько раз и то мельком. Никакого впечатления он не произвел. Софья Федоровна рассказывала, что Леша всегда поднимал ее на смех, тогда как на свой счет шуточки не принимал. Как-то Софья Федоровна испекла оладьи из кабачков, а они все развалились. Он стал смеяться и предлагать свои курсы кулинарии. Софья Федоровна оскорбилась.

Она как-то рассказывала, что у Тани с Лешей обиды от искренней любви, что ранит глубже и больнее.

– Таня в меня, импульсивная, она сразу даст понять, что не по ней. В Лешу была влюблена, и любовь какая-то молниеносная. Боялась его потерять, поступилась своими привычками боролась с собой со своей поспешностью, возбудимостью. Одергивала себя, как говорила, коротила или заземляла, чтоб разряда не было, ни раската грома, ни сверкания молнии. Трудно было идти против своего естества, характер перебивала. По себе знаю, иногда так хотелось надерзить Толику, вижу, что не права, а справиться с собой не могу. Он мне всегда замечал, Соня, не говори того, о чем потом будешь жалеть. И постепенно воспитал своей мудренностью, у него на все присказка, притча, поучительное или из басни что-то скажет, пословицы. Я иногда думала, и как это у него

все в голове умещается».

Леша воспитывал Таню по-другому, он замыкался в себе, если видел, что его не понимают. Таня объясняла, почему ее что-то не устраивает Леша считал, что доводы неуместны, когда и так все очевидно. Окончив автомобильно-дорожный институт, по ночам подрабатывал извозом. У Тани в библиотеке зарплата копеечная, как всякой женщине одеться хочется, молодая еще. Леша хотел, чтоб у Тани все было, чтобы не считала мелочь, могла позволить себе хорошо одеться. Потом Олечка училась в английской школе. Там ребята друг перед другом с телефонами, планшетами, у отцов крутые иномарки. В отличие от Юли большой и маленькой и Андрея, что были у нас крайне редко, а точнее раз или два, Таня была часто без Леша.

Когда не стало Анны Николаевны, между Верой, Таней, как-то естественно возобновилась старая дружба. Вера учила дочь Тани Олечку в начальных классах, и приятельницы виделись практически каждый день, за исключением, когда за дочерью приходил Леша или бабушка.

– Мой опять без работы, – делилась Таня, – с кем-то подрался в автосервисе. Слесарюга какой-то из его бригады через день пьяный. Леша решил его уволить, тот с кулаками, и пошло поехало. Леша два раза двинул его, чтобы отстал, а пьяному что надо, как говорится, он и завалился. И все это случилось на глазах клиентов. Леше пришлось уйти. От всего этого так устала. На Олечке сказывается. Аппетита у

нее нет, плачет. Она так Лешу любит. Папа, папа. Целует его, чтобы он не расстраивался. Главное место было хорошее, деньги приличные. Ты же знаешь Лешу, он добрейшей души человек, но так трудно с людьми сходится. Не пьет, не курит и матом не ругается, требует от других того же в авто-сервисе. Такое невозможно.

Таня всегда была расстроена, а на Лешу обижена. Это тот случай, когда душат в объятиях, отчаянная любовь.

* * *

– Ну да ладно, скажи, помочь сможешь? Голос Тани вдруг приобрел просительную интонацию.

Вот подумал я, каково женщине унижаться. А мне быть свидетелем этого.

– Сейчас я не готов ответить. Скорее нет, чем да. Не хочу тебя обнадеживать. Старые связи – сами не у дел; кто в отставке, кто на пенсии. Владелец нашего журнала не читает его, живя за границей, да редактор – верный пес, нюхом чует, если жареным запахнет. Что хозяину не понравится, не пропустить.

После этого в телефоне прозвучал отбой.

Безучастные, ровные гудки, как иллюстрации к моему равнодушию. Это беспомощность, хотелось мне поправить Таню. Но вряд ли от этого ей станет легче. Теперь она вообще во всем разуверится. Может быть, я был ее последней

надеждой.

Кто бы раскрутил такой материал? Кто возьмется? Факты против Тани, ее поймали с вещами.

Решил Вере передать разговор с Таней. Заодно поужинаем.

Там за окном кабинета не смолкал город, вечно производящий неисчислимое количество звуков. В то же время, скрывая за шумовой завесой что-то более существенное, мысленную работу огромной массы людей, беспрерывно решающих, на первый взгляд, простые незамысловатые житейские проблемы.

Таня с упрямством солнечного лучика вырастила в себе веру в невозможное. Софья Федоровна с Анатолием Сергеевичем старались воспитать их людьми долга и чести. Эти понятия не всем знакомы, от того по жизни трение.

– Все, что нас не убивает, делает крепче, – утверждал Анатолий Сергеевич, – трудности, что тернии – пролог большой дороги. Чтоб пройти этот путь с достоинством и не опускать в покорности голову, имейте мужество и смелость.

Мне было не по себе. Такой конец нашего разговора меня не устраивал. Я перезвонил. Таня продолжила свой рассказ.

– Меня спрашивают, зачем я это сделала, – не могла иначе. Как вспомню, доверчивый взгляд испуганных детей, маленькие, они уже с тревогой в глазах. Тянутся к взрослым, между собой что-то делят и не могут понять, почему они здесь. Когда им говорят, что у них будет мама и папа, они

сияют, не подозревая, что их ждет. Они плохо говорят, – задержки в развитии. Вроде с ними занимаются. Формально все есть. Детям игрушки, питание, кругом чисто. Но дети не улыбаются, и нет в них понимание, что такое семья, они теряются, видя свое отражение в зеркале. Они не осознают себя в обществе взрослых. Потому, что редко какая воспитательница человеком окажется, так тетки-хабалки от детей отмахиваются, они у них под ногами путаются. Кому нужны чужие дети, хорошо, что если не пинают и не замахиваются на них.

Слушая Таню, понимал, что, видимо, она сама переосмысливая произошедшее, ищет тому объяснение.

– Ты знаешь, Володя, я почему-то очень спокойна и сама тому удивляюсь. Вначале эта низость с курткой, что мне подложили, и составление протокола в полиции меня потрясли. Хорошо, что отец об этом не узнает. Что бы с ним было? Мама, конечно, с ума сходит, словно меня убили. Нет, я жива и буду жить. Почему-то знаю, все обернется другой стороной. Интуиция говорит, подожди, будет поворот. Немного обидно было. Когда ты умыл руки и развел ими. Ты умный человек, неужели нет никого, кто бы откликнулся. Молчишь, понимаю, всем вряд до себя. Если даже близкие ставят мне вину в произошедшем.

– Мы все придем на суд, Таня, я никогда в тебе не сомневался, как в человеке. Будем свидетельствовать за тебя.

– Спасибо на этом. Мама просила передать, чтоб на по-

минках были непременно.

– Обязательно проводим Анатолия Сергеевича, – заверил я упавшим голосом.

* * *

Последнее заседание комиссии по разработке концепции создания музея СССР были безрезультативны. Мы не смогли выработать основополагающую линию его создания. Предлагались совершенно разные, в принципе, исключаящие понятия.

Одни утверждали, что Союз должен предстать как отрицательный пример в истории человечества, другие, напротив, как подтверждающий идею, что общество только так и может развиваться, если хочет себя сохранить, что капитализм приведет сознание людей к краху.

Заговорили о самой природе человека, исходя из мировой истории. Если социализм предложил свою мораль вместо христианской, то капитализм в сравнении с ним абсолютно аморален. Все общечеловеческие ценности теряются в погоне за прибылью, капитал остается верен себе. Всеми средствами человеку внушается, что главное в жизни – иметь. Обществу потребителей просто не досуг до совести и души.

Гуманизма и демократии в природе не существует. И тому много подтверждений. Самые передовые и богатые страны руководствуются только своими интересами под самыми

благовидными предложениями.

Социализм привлекает народы, почему же он тогда развалился. Манипуляция с людьми современными методами промывки мозгов. Технология, разработанная передовыми лабораториями. Все в интересах транснациональных монополий. Сферы влияния, рынки сбыта, сырье. Где же человек, его судьба? Кого она волнует? Может только литературу и писателя.

Послышался стук в дверь моего кабинета.

– Владимир Петрович, вы все пишете о вселенской любви? Как можно философствовать, когда у нас горе.

Вера явно была не в себе.

– Оставь меня в покое. Я готовлю доклад в комиссию. Что ты терзаешь меня каждый день?

У меня пропало желание выходить из кабинета, пересажу бурю здесь.

– Не могу я слушать о покое. Моя дочь...

В такую минуту оставить женщину одну нельзя. Опять истерика. Как же ее успокоить.

– Она и моя дочь. Ты забыла об этом?

Вера села в свое любимое кресло, его никто никогда не занимал. На столике, как всегда, тетрадки из школы. Видимо, она только что их проверяла и не успела даже снять очки. Вера давно уже плохо видела, как она поясняла, глаза на работе оставила. На лице ничего, кроме усталости, и той неистребимой тревоги в глазах, говорившей о многом: и воз-

расте, болячках, тревоге о самом дорогом человеке.

– Если бы ты был готов лететь в Новую Зеландию, – в голове ясно проступило разочарование.

Вера посмотрела на портрет дочери. Хотел съязвить, скоро будешь молиться и лобызать изображение дочери. Это было бы жестоко.

– Легко сказать, – после этого хотел привести какие-то доводы, и вдруг резко отрывисто резануло слух.

– Петя летит, – сказала она, словно метила стрелой в меня.

– В связи с чем, разве это его дочь?

И что-то нехорошее, какое-то гнетущее предчувствие предстало тенью прошлого. Какие-то прежние смутные догадки цепью окружили неумолимостью неизбежных выводов.

– Ты догадался, – ее упавший голос был более чем красноречивее сказанного. В нем читалось: «Ты вынудил меня сказать это. Видит Бог, я не хотела».

– Ты сума сошла, о чем ты? Я думать не думал.

Тень росла угрожающе, накинув на мое сознание свое безмерное одеяние, сотканное из самой грубой и колючей ткани воспоминаний. Она словно предвестница чего-то губительного.

– Ты обманула меня и лгала столько лет? И твоя мама это знала? Вот почему у нее с Петром была такая любовь.

Я отчетливо представил тот день, когда мы привезли Лизоньку из роддома. Только переступили порог, Петр тут как

тут, словно стоял за углом дома и ждал. Весь увешан сумками, игрушками, с цветами. Красный, глаза блестят, счастливый безмерно. Даже Анна Николаевна сурово отдернула его.

– Это, по крайней мере, неучтиво и бестактно. Похоже, у тебя радости больше, чем у нас.

Лизонька, вся в рюшках, спала. Она была удивительно спокойным ребенком.

– Сущий ангел, – сказала теща, выпроводив всех из детской. Пусть Вера с ней управляется.

Стол был накрыт заранее. Анна Николаевна неторопливо доставала закуски из холодильника. Петр водрузил посередине выпивку. После первой вдруг тихо заплакал. Я удивился тому. И теща странно себя повела.

– Если сейчас не успокоишься, я тебе таких пощечин надаю и выставлю за дверь и больше здесь не появишься. Тоже мне монархист, бери пример с белых офицеров, которых ты так уважаешь. Имейте мужество и выдержку, – урезонивала она.

Тогда я ничего понять не смог, никакого сомнения во мне не зародилось.

Так я верил любимой женщине.

– Ты решила убить меня, отнять все, что у меня есть...

Похоже, повторяю поведение Веры. Неужели опущусь до истерики. Слезы все происходящее превратят в фарс.

– Скажи, что не правда. Не верю, ни за что... Петьке об этом ни слова. Пусть останется, как было. Я полечу в Новую

Зеландию хоть завтра.

Я стоял посередине гостиной, и все плыло перед глазами. Люстра, мебель, вазы, все слилось в радужный комок света. Наверное, давление, надо выпить лекарство. Я смотрел на женщину, которая была рядом со мной четверть века. И не узнавал ее, это был другой человек: далекий, чужой.

– Владимир Петрович, вы явно переигрываете.

Голос обреченной. Может, она уже пожалела, о том, что сказала. Есть ли в этой ситуации обратный ход.

– Милый, ты же не на подмостках МХАТа.

Хочет казаться спокойной. Она сделала первый решающий шаг и говорит себе, что надо идти дальше. Убеждает себя, что по-другому нельзя.

– Не надо шекспировских страстей. Ты все прекрасно знал, просто делал вид, другого тебе не дано.

Она продолжала все тем же упавшим голосом, словно бы теперь ей все равно.

– Поздно, Петя летит, уже купил билет.

– У него никаких прав, и потом Лиза не поймет. Ребенок сойдет с ума, боюсь, психика не выдержит.

Я пытался быть спокойным и убедительным. Вера продолжала, еще не осознавая, что говорит страшные вещи.

– Я поняла, зачем ты отослал ее в такую даль. Чтоб она там жила в убеждении, что ты ее отец, чтоб никогда не узнала правды.

Вера, не отрываясь, смотрела на портрет дочери, словно

обращаясь к ней, делая свидетельницей ужасной сцены.

– Помилуйте, дорогая Верочка. Я же ни сном, ни духом не ведал о ваших лямурах, – с ехидцей заметил я.

Вера снова села в свое кресло, приняла расслабляющую позу, пытаясь интуитивно, хоть как-то, снять напряжение в теле. Я, напротив, не мог успокоиться и искал выход в предательской ловушке, что подстроил самый близкий человек. Это не банальная подстава, измена!

– А потом, кто растил, тот и отец.

Это еще один мой козырь, – думал я.

– Я всегда мечтала быть свободной. Дура, зачем вышла замуж.

Вера закрыла глаза, всем видом показывая, что она не в силах продолжать эту сцену, что далась ей нелегко.

– Что же я сотворила, зачем жила с обманом? Как легко свыклась с мыслью, что решения нет, не пытаюсь его найти.

– Это песня не нова – сарказм был не к месту, и все же безобиднее мысли, сама себя наказала, что я не решил озвучить.

Что это, пролог драмы или мелодрамы. Может быть, сказала, не отдавая себе отчета в силу своего эмоционального состояния, страдая и беспокоясь за дочь.

– Мне нужна была другая любовь. Я думала, Петя будет ею.

Этим не оправдываешься даже в своих глазах. Вот оно коварство и любовь. Здесь основная сцена, а где-то там за ку-

лисами другие роли, недобропорядочной, распушенной.

Мысли, как картинки из окна поезда, одна сменяла другую, но не было той, которая все бы объяснила, сделала происходящее понятным.

Раздражение нарастало во мне, хотя понимал, что это усугубит и без того печальное положение. Все же я думал, что не все – безнадежно. Никакие силы не отнимут у меня Лизы. Петька – сволочь, почему он? Потому что был рядом, как говорится, подвернулся, одинокий, без семьи, с шармом и талантливый. Что за язвительность появилось во мне? Желчь отравляет мои мозги, а речь делает отвратительной.

В прихожей хлопнула дверь. Так и знал. Петьке известно, что здесь происходит. У него козырь в кармане, билет в Новую Зеландию. Неужели и визу оформил. Может быть, это всего лишь блеф?

– А вот и он. Легок на помине. Открыл дверь своими ключами?

– Она просто была не закрыта. Петр был сконфужен, хотя наверняка предполагал, что объяснение неизбежно.

– Теперь, когда личины сброшены, хочу спросить тебя, зачем выдавал себя за друга?

Смотрел на него с нескрываемой злобой, хотел его просто испепелить глазами, как ты теперь, уж на сковородке, будешь изворачиваться. Какие бы слова ты не подобрал, меня ничто не переубедит то, что ты тварь. Харю холеную, надушенную намою, чтоб мне легче стало. Смешно, по-мальчишески по-

лучается.

– У любви нет понятия дружбы. Если бы не пригласил меня на свою свадьбу, все было бы иначе.

Петр говорил и при этом посмотрел на Веру.

– У вас тоже была первая брачная ночь?

От перенапряжения я весь обмяк, почувствовал, что просто теряю последние силы. Сел на диван и стал наблюдать за Верой. Совершенно отстраненная от нас, она продолжала смотреть на портрет дочери.

– Ты еще можешь иронизировать?

Видимо, Петр тоже сдулся. Кровь прилила к лицу. Оно у него пылало. Руки заметно дрожали, хотя предусмотрительно спрятал их в карманы. Он тоже сел на диван, на другой конец.

– Уже не могу. Надо решать, как не травмировать ребенка. Старался быть предельно серьезным. Не забудь, Петр Владимирович, что для Лизы ты всегда был гостем с игрушками, добрым дядей.

– Может быть, – сомнение проступило в его речи.

Пусть эта мысль, о которую он споткнулся в своем сознании благодаря мне, разрушит его иллюзии.

Воцарившееся молчание было невыносимо тягостное. Каждый думал, как быть дальше. Во мне было такое возмущение, хотел кричать, как утопающий, во весь голос. Как вообще можно было молчать об этом столько лет. Жить с таким камнем за пазухой, что точно там не уместится. От соб-

ственного бессилия находишься в полной растерянности перед таким вероломством. Что возражать и доказывать этим людям, с ними все ясно. Хотят оправдать себя любовью, перед ней не могли устоять. Чушь, просто распущенность и похоть. Или я не могу их понять. Но так поступить со мной. И все-таки я сказал, просто вырвалось из меня помимо моей воли.

– Как ты могла смотреть мне в глаза каждый день? Скажи, что все это мне снится, что это дурной сон, который должен закончиться. От меня ты рожать не хотела, делала аборты, Если ты любила его, зачем жила со мной, каждую ночь ложилась в одну постель?

* * *

– Я мечтала о такой любви, – начала Вера свой монолог в полной прострации. Говорила она явно только себе. Это скорее было что-то внутреннее и сокровенное, вдруг произнесенное вслух, неожиданно даже для нее самой.

– Чтоб свободной быть, чтоб сердце взыграло и крылья появились. Да бодливой корове Бог рога не дал. Не справилась со своим характером. Все бодалась, а ведь такие завидные были мужики. Как меня мама величала, поперечная, все поперек, как покойный отец. Вот ребята испугались моей горячности. Загораюсь быстро, да так же сгораю. Вся их порода такова, отцовская, – говорила мама. Да и сама им под

стать, только скромничала в оценке себя. Потому дочь стала моим пристанищем. Но, как говорится, птица улетела вить свое гнездо. Не вечно ей быть не оперившейся, к юбке булавкой чадо не пристегнешь. Все дети со своей судьбой, но смириться с этим трудно. Дети не заноза в сознании, это родимое пятно, как знак родства, ты унесешь его на тот свет.

* * *

Слова, сказанные ею, с такой тяжестью разочарования с трудом преодолевали расстояния между нами, они, произнесенные шепотом, с тихим грохотом падали в моем сознании в какую-то неизбежность, где не было дна, где глухое эхо так и не вернулось, не упав и не разбившись. Такой далекий взгляд в никуда и ни во что. Затерянный в своих думах, вздохах.

Люди такого склада ума с переулками и закоулками, со своими тараканами, бегущими там, всегда плутают в своем сознании, ища выхода, даже не подозревая, что он с противоположной стороны. Они склонны все видеть в мрачном цвете и обладают удивительной способностью передавать свое ощущение безнадежности и главное – из всего делать драму или трагедию.

Бесперспективность разговора была очевидной. Я решил проверить на сайте почту. Ноутбук в кабинете сейчас мог внести изменение в расстановке сил. Я не говорил Вере, что накануне Лизонька поделилась со мной о вылете в Индию в ближайшее время. Об этом речь шла давно, родители Чандра настаивали. Мои ожидания подтвердились, по электронке пришло Лизино письмо. Они вылетели с мужем в столицу штата Мумбаи. Я воспрянул, в голове стало проясняться. Теперь моя очередь крыть карту Петра. Не то, чтоб я чувствовал себя победителем. Но мне стало немного легче от понимания того, что Лиза звала меня отцом с рождения. Если все в этом спектакле играли роли, то ребенок воспринимал все происходящее без тени сомнения. Как можно было обманывать ребенка?

– Твой козырь бит, – потирая от удовольствия руки, сказал я Петру. – Теперь ты не удел, можешь возвращаться во-сво-яси.

Я не скрывал своего удовлетворения, мне стало намного легче.

– Что это значит, – забеспокоился Петр, – о чем он, Вера?
– Надобность в тебе отпала. Лиза вылетела с мужем к его родителям в Мумбаи. Билет в Новую Зеландию тебе лучше сдать. И вообще, что ты здесь делаешь? На что ты имеешь

право? Лиза не должна ничего знать. Пусть все останется как есть, если ты любишь ее.

Вера с сомнением в голосе стала уточнять ситуацию.

– Она же говорила, что это произойдет через неделю. Я два дня назад общалась с ней по скайпу.

– Еще вчера было известно. Я просто тебе не сказал. А сейчас они уже в самолете.

– Как ты мог устроить такой балаган, держа меня в неведении?

– Значит опять я во всем виноват.

Поверженный Петр Владимирович потерялся, сразу как-то осунулся и лицо так вытянулось от неожиданности. Такого явно не ожидал. Да и я вздохнул с облегчением только сейчас, когда получил долгожданную новость.

Вера онемела, как заговоренная, сидела в кресле, не шелохнувшись, словно окаменев.

«Если бы у меня хватило терпения. Я же знала, что они полетят в Индию, тогда не было бы всего этого, что произошло сейчас. Все эти откровения, произнесенные здесь, связали меня по рукам и ногам. И что мне далось, загорелось лететь в эту Новую Зеландию на спасение, может быть, счастливой дочери. Это тоже не исключено».

– И ты молчал? – крикнула с досадой Вера, вспыхнув, как сухая солома, кровь прилила к ее лицу. Покрасневшая, с трудом сдерживала себя.

Может быть, сейчас, думал я, хаос в ее голове, порожден-

ный сумятицей мысли, уступит место трезвому аналитическому уму, что всегда был свойственен ей. Вера рациональный человек. Педагог с тридцатилетним стажем, Она выработала соответствующую манеру поведения, безупречно выглядеть, с улыбкой на лице, чтобы там ее не тревожило. Это то, что Вера усвоила от родителей. Типично для Анны Николаевны и Ростислава Николаевича, не теряться в жизни, все подвергать сомнению. Юмор, ирония, и главное, чтоб никто не догадался, как тебе не просто, тем более никому не жаловаться. Лишнее, и не нужно вовсе. В лучшем случае, люди посочувствуют, а жалость – это унижительно. А то просто открыто посмеются или про себя. Никогда не поддавайся и ни с кем не связывайся. Делай вид, что все у тебя прекрасно, пусть лучше тебе позавидуют.

* * *

Окружающие очень ценили Анну Николаевну именно за эти качества ее характера, независимого, строгого и открытого.

Многое связывало нашего друга, новопреставленного Анатолия Сергеевича с моей тещей. Работали вместе в институте, где ее уважали за ум, говорили, сразу видно, – математик: четко считает, быстро отмеряет, линии правильные, все симметрично, взгляд, движение, лекционный голос с прекрасной дикцией, чтобы студенты все поняли, не пере-

спрашивали.

Голос строгий и требовательный, как она говорила, дисциплинирующий, а иначе нельзя, разболтаются. Молодым погулять хочется, а математика – наука не прощающая ошибок. Анну Николаевну боялись и уважали, а она отмечала способных, талантливых студентов. Одна из первых разработчиков программного обеспечения вычислительных машин. В личной жизни все было наоборот. Ни ровной линии, ни четких пропорций.

У Анны Николаевны и Софьи Федоровны была дружба с большой буквы, искренняя и честная, особенно в последнее время. Много у них было общего, институтские работники, «из низов», как говорили. Сами всего добились своим трудом и упорством и гордились этим. Часто по вечерам они собирались втроем, излить друг другу душу, говорили о детях, что обижают непониманием.

Удивляло то, что в доме Анатолия Сергеевича были иконы. Анна Николаевна верила в добро и порядочность, а Толя с Соней – в бессмертную душу. Работая в институте, занимались наукой. А где-то там, в тишине своей души, читали молитвы. Анатолий Сергеевич каждый раз, когда навещал своих родственников в Киеве, рассказывал, что поклонился святой Софии и всем православным святителям в пещерах Киево-Печерской Лавры, припадал к их мощам. А как он любил свои родные украинские напевы. В них народная душа, говорил он. Только славный, добрый народ может петь

такие песни.

Теща – сложный была человек. Точно положительный. Проникся к ней доверием, убедившись в ее порядочности. Ее уважали все друзья. Родные сестры любили ее, что бывает крайне редко. Поклонение Анатолия Сергеевича перед ней – тому подтверждение. Человек большого благородства, говорил он. Был случай, подтверждающий это. О нем поведала Вера. Анна Николаевна, еще работая в школе, мужской гимназии, как она говорила, с ребятами, оторвами поняла, что только искренность может быть опорой педагогики. В ее классе был злостный прогульщик и хулиган, она решила навестить его, придя к нему в барак. Обшарпанные стены, обрванные обои, жуть или, как говорят сейчас, жесь, и пьяный мужик с выпученными глазами. В кориде копоть от керосинок и смрад от курева и помойных ведер. Перед мужиком граненый стакан с колыхающейся водкой, в которой отражаются плавающие глаза забулдыги. Она к нему с вопросом насчет сына.

– А вот выпьешь со мной, буду говорить, – и такая язвительная улыбочка при этом, мол, слабо или кишка тонка.

Анна Николаевна взяла и выпила с размаху, зло посмотрев на мужика, от чего он встрепенулся и сказал: «А ты в морду мне не дашь. Ладно, это я смехом, теперь тебя, училка, уважаю, даю слово, будет учиться как миленький. Я с него три шкуры спущу, дурь вышибу». И с этим он так кулаком ударил себя по лбу, что похоже сразу отрезвел. С тем она

и ушла. А парень и впрямь исправился. Анна Николаевна после этого случая заручилась неоспоримым авторитетом у всех родителей.

Почему я ей не нравился и отчего мы не поняли друг друга. Обидно, человек-то замечательный, ладно исходило бы это от какой-то недалекой тетки. Здесь же образованный человек, умнейший, с другими людьми она вела себя так, что никто не мог подумать, что она может быть грубой и даже злой. А так вроде, милейшая женщина, сама любезность. Странно, да и только. Иногда я думал, а если она была права.

Все началось со дня свадьбы, я застрял в парикмахерской, с трудом дождался своей очереди. Объяснил, что еду расписываться. «Почему же не предупредили» – заметил мастер. Совести не хватило.

Когда же прибыл за невестой, теща явно была недовольна, видно, что она психовала. Назвала мое опоздание выходкой и заметила зло: «С чего ты начинаешь семейную жизнь?» Один из родственников, дальних, которого я и видел только на свадьбе, подошел ко мне и так, чтобы никто не слышал, то ли в шутку, то ли всерьез, бросил фразочку, ухмыльнувшись. «Набить бы тебе морду, только некрасиво выйдешь на свадьбишних фотках».

ЗАГС находился в Восточном Измайлове, у леса, что рядом с Измайловским проспектом. Ни трепета, ни волнений, мы уже до этого были мужем и женой и сполна вкусили прелести первых ночей.

Вера свежая, ясноглазая. Как она была хороша с распущенными волосами, припухшие губы с запахом полыни. Грудь ее от волнения содрогалась так трепетно, что я невольно пытался успокоить ее.

Мы стояли, ожидая, когда зал подготовят для церемонии. И вдруг неожиданно сбоку видимо, там был зальчик поскромнее, вышел мужчина и быстрым шагом направился к выходу. Он явно был чему-то рад, словно вырвавшийся из душного помещения. Следом женщина с растерянным взглядом, мельком взглянув на нас, она с грусть заметила: «Бабы каются, девки замуж собираются».

Эта пара после развода пересекла нам дорогу. Я решил не предавать этому значения.

* * *

В перестройку наш журнал «Иносферы», где я работал зав. отделом истории, влачил жалкое существование. Тогда Анна Николаевна, как кризисный менеджер, нашла в семье слабое звено, не трудно догадаться, что им был я.

– Ты будешь кормить семью? – спросила теща строго, когда родилась дочь, или мне, старухе, идти в консьержки, жена твоя с ребенком. Ее не пошлешь работать.

Тон ее был настолько требовательным, что я был в растерянности. Удалось найти подработку в рекламном агентстве. Сочинял тексты для буклетов фармацевтической компании.

Были разовые заказы, потом повезло. Знакомый из Моссовета устроил в городскую мэрию, в отдел по надзору рекламы.

Большое счастье то, что ребенок был здоров. Это радовало тещу. Две женщины ворковали возле младенца, не скрывая восхищения.

Но недолго продолжалась эта идиллия. Вначале мы снимали дачу на лето, потом стал вопрос о собственной. Пришлось в журнале «Иносфера» взять на себя еще отдел культуры и спорта. Дачу строили два года, после стало ясно – нужна машина. Деньги нашлись, олигарх, что владел нашим журналом, двумя газетами и каналом на телевидении, заказал мне две публицистические работы, одну книгу о Дзержинском, другую о Ворошилове. Он решил издавать целую серию об исторических личностях советского периода. Был хороший тираж благодаря спросу, тема актуальная.

Лиза росла и радовала, мое сердце ликовало. Скрывал свою любовь, чтоб не раздражать ревности тещи. Когда жена решила вернуться на работу в школу, теща, как близкий родственник, сидела с нашим ребенком. Она как бабушка, гордилась этим. Я стал воспринимать ее как друга. Ко мне ее отношение не изменилось.

Тем не менее уважал ее и понимал, нравственно она выше меня, чище, честней, не потому, что секретарем партийной организации в институте была, что даже ватную куклу на самовар, подаренную ей студентами, боялась принести домой. Не статус ее обязывал, просто была правильно воспи-

тана, уважала себя и окружающих.

* * *

– Какое у нее было воспитание? – возражала жена.

Конечно, свою мать она знала лучше. При всем дочернем уважении Вера придерживалась линии независимости от родителей. После окончания школы несмотря на уговоры, не пошла учиться в мамин институт.

– Их было три сестры, – продолжала Вера, только она получила высшее образование, две другие кормили родителей и ее. Одна пошла в няньки, другая в швей. Голодали да бедствовали. Чего ты хочешь, в 37-ом родилась. Люди на износ трудились, все вручную. Сейчас все дорого, а человек дешевый, а тогда он ничего не стоил.

Мама рассказывала, когда в ней, правоверной коммунистке, зародились первые сомнения в правильности всего происходящего. Она пошла хоронить Сталина и чудом осталась жива, на ее глазах людей давили лошадьми, обезумевшая толпа губила сама себя. Толпа, подумала она тогда, вся страна – толпа.

На этом Вера остановилась, видимо в этот момент ей отчетливо представилась мать, лицо ее потускнело, и забывтая от времени горечь утраты проявилась блеском в глазах. Вот-вот заплачет. Вера боролась за жизнь матери, моталась по больницам, ничего не жалела, чтоб спасти ее.

Сказалось голодное детство, рак желудка. Сделали операцию, врачи говорят, успешно, но организм был настолько изношен, что все внутренние швы разошлись.

* * *

Перед больницей, помню, Анна Николаевна закрывалась в своей комнате и там, в темноте, подсвеченной фонарем улицы, о чем-то думала.

От порыва ветра береза склонялась до окна комнаты. Лежа на кровати, она смотрела на трепетавшие ветки, на колышущиеся листья, что нетерпеливо и нервно перебирал ветер. Они тенью от внешнего света ложились причудливым рисунком, увеличиваясь в размерах на занавесках, обоях, словно прикрывали Анну Николаевну, не касаясь ее. Белоствольная жалобно скрипела, плакалась всему свету. Только Анне Николаевне не с кем было поделиться болью. Даже близкие не поймут и не почувствуют. В своей беде человек всегда одинок.

«Они также ко мне безразличны и равнодушны, как и чужие люди. Может быть, я ошибаюсь и думаю так от безысходности».

В словах, во взгляде, в мыслях жила с обидой на дочь, зятя и даже на внучку.

«Болезнь ставит человека на колени. Говорят, не сдавайся. Какой там? Тогда забывается многое, то, что мы не любили,

ненавидели, сейчас все равно уже не могу испытывать никаких чувств. Болячка обобрала всё» – продолжала думать Анна Николаевна.

«Что же случилось, почему так, словно внутри что-то растаяло, чего-то не стало, какого-то балласта, что держал на плаву, вроде лишилась земного притяжения, потеряла в сознании какую-то главную мысль, на которой держалась вся жизнь. Сяду птицей на эти встревоженные ветки, и ветер унесет меня».

Рядом лежал маленький песик Степа, любимец Лизы. В последнее время он не отходил от Анны Николаевны, ласковый, теплый комочек теребил лапкой ее руку, просил гладить. Лаская его, успокаивалась и засыпала в тревожной дреме.

Лиза, волнуясь, спрашивала:

– Почему бабушка не выходит ей почитать и почему теперь мама водит ее в детский сад.

Лиза тихо звала Степу играть с ней в игрушки. Когда бабушка замирала, пес скреб в дверь, ему открывали.

Анна Николаевна с нетерпением ждала весну она любила ее, особенно первую нежную пахучую листву, когда только-только проклевались набухшие почки. Мелкой зеленью, за одну теплую ночь одевались все деревья и кусты.

Временами ей казалось, что весна никогда не придет. Ожидание было таким тягостным. Снег, почерневший от грязи, пыли и копоти города подтаявший на солнце, осел

плотной обледенелой коркой, покрыл землю, словно панцирем, не давая возможности открыться и вздохнуть. Хотелось увидеть после зимы свет, почувствовать первое тепло, свежий весенний, вольный ветер перемен, что принесет стремительно и неотвратно дух неповторимой природной силы, вездесущей и неистребимой, торжествующей и священной.

Земля, вся природа уставшая, как и люди, тяготились зимой, холодом и длинными ночами. Темень не хотела уступить вероломно похищенного времени дня, что был полон решимости вернуть утраченное. Так хотелось, наконец, встретить ту невесомую, летящую, всю в зеленом и голубом, прозрачную красоту, что придет непременно по закону природы с дождями и грозами. Весна, отражающаяся в каждом блике солнечных лучей на всем, куда они падут. В каждой капле дождя, что вдруг заиграют, как драгоценные алмазы всеми цветами радуги.

Весна, отражающаяся в глазах людей, их душах, обнадеживала. Утром проснувшись, из окна увидев все зеленым и пахучим, клейко-нежным, она ощутила давно утраченную радость от мысли, что с природой сама возрождается для новой жизни, о которой вдруг возвестил далекий церковный колокол. Она и раньше слышала его днем, ночью, в дни больших праздников Рождества и Пасхи. И с разочарованием думала, как все это далеко от меня. Почему это мне было не дано? Неужели только годы атеизма сделали меня сомневающейся? Душа, я думала о ней редко, не хватило времени

на нее. Не до того в устройстве, вернее, в обустройстве судьбы дочери. Не то что бы мелковата душой, вроде натура то у меня широкая и открытая, за словом в карман не полезу, отстоять себя всегда могла. Авторитет для меня значил много, особенно на работе, хотя дома я скорее была авторитарна, надо признать. Да что душа, высохла, и сокрушатся поздно и о Боге, что сказать, не назовешь его милостивым. Не улыбнулся он мне и возможно ли это? И не скажешь, что судьба посмеялась надо мной. Просто так вышло, так выпала карта.

Весна слепит, и гомонится чириканье. Как хотелось ответить ей улыбкой, но не смогла Анна Николаевна, сомкнутые губы и сознание не отозвались. В плену слабости она легла, закрыв глаза, все еще храня в памяти свет и тепло.

* * *

Весной встретила Ростислава Николаевича. Наверное, и тогда цвела сирень надежды. Обрести счастье, казалось, невозможно. Свободная, ничья Анна Николаевна, Анна, мечтала о любви. Отгоняла сомнения и тревоги и ждала спутника, как она говорила, две дороги сольются в одну. Как одинокая тишина хотела услышать слова признаний. Может быть, они встретились на бульваре, и он сломал ей веточку сирени.

Как просто, мысленно пробежать по Сиреневому бульвару от одного светофора до следующего. Дома, машины, люди

– все мелькнет в мгновение, как наша жизнь. Неужели она уместилась в этом маленьком отрезке: дороги, тротуаров, деревьев, фонарей. Круговорот лиц людей, улыбок, слез. Все смешалось: сигналы машин, лай собак, крик птиц, звук самолетов, жужжанье насекомых. Солнце, дождь и снег. Круговорот времени и всего остального, сопутствующего. Жизнь моя или ты приснилась мне, – вспоминала Анна Николаевна, – казалось, я встретила с мужчиной моей мечты. Весь такой представительный, всегда в костюме, при галстуке. Сразило меня то, что он носил шляпы, тогда это было особым шиком. Пальто, шляпа, статный и при этом был у него очень внимательный взгляд, наверное, профессиональный. Изучал людей этим пристальным взглядом следователя.

Разбирался во многом, начитанный, увлекался классической музыкой, серьезный, вдумчивый мужчина, но понятия не имел, как прибить гвоздь, не говоря уже об унитазах. «Это не мое, – говорил он, быт, вообще, за гранью моего понимания. Я этим свое сознание засорять не буду. Вот животных люблю». Правда, всегда у него были собаки. Но обращался он с ними безалаберно, плохо кормил. Одного беспородистого пса, что звал Пиратом, поил водкой, потешался над ним от скуки, давал курить сигареты. Эх, Ростик, Ростислав, Слава, любила тебя дурака. Ничего ты не понял, водил меня, голодную, по ресторанам. Пойдем в столовую, говорила ему, копейки и сыты. Картошка и селедка. Думаешь, мне нужна была музыка, дрянная, гнусавая и хмельная. Везде в этих ка-

баках рвотной массой воняло, несло пошлостью и лихостью. Кто там гулял? Шалавы, у кого шальные деньги. Всего лишь ресторанная суета, мельтешит всякая шушера, мало приятного. Вначале обидеть не хотела, потом прямо ему заявила: «Какой ты муж, ты мот, а если дети будут».

И все-таки интеллигентностью, манерами, окрутил меня. В глаза пыль пускал, и язык плел, не переставая, семь верст до небес и все лесом. Да как устоять, красавец, столичный шик, перчатки, мокасины лакированные. Худой, высокий, статный, стильный, заглядишься, залюбуешься. Шевелюра, буйные заросли, волос черный, как и глаза, хитрющие, было в нем что-то цыганистое. Везде смелый, правый, начальник следственного отдела. Да, я тоже не простая. Не смотри, что волос светлый, да голос ровный и глаза голубые, сама кого хочешь, скручу. Когда дочь родилась, Верочка, с его мамой жили. Слава для нее свет в окошке.

– Ты, Вера, неправильно себя ведешь, уважение в тебе нет к мужу, почитание. Ты помни, да убоится жена мужа.

– Это когда было? Во времена Домостроя. А уважение пусть заслужит.

Свекровь учила, все нужно делать, как следует. Терпела, худой мир лучше доброй ссоры. Потом барак на Большой Черкизовской. Ребенка Ростислав забывал забрать из детского сада. Прилечу с работы, Верочки нет, бегу как ошпаренная. Девчонка последняя, осталась одна, всех забрали, она у калитки ждет, когда за ней придут. К дочери жалость,

к нему злость. Ругались. Говорю, нельзя так. Он, мол, ничего страшного, просто из головы вылетело. Похоже, ты, Слава, пустоголовый, корила его, нет в ней семейной мысли о заботах и тревогах, необязательный ты человек. Близких-то не надо забывать, они в первую очередь. Хотя, казалось, не был он разгильдяем. По статусу начальника – собранный, ответственный. Не франт, уж тем более не стилига. Одежда модная, стиль классический, во всем солидность, что соответствовало должности в следственном отделе. Бросался в глаза какой-то странный азарт, непременно себя показать, выделиться. И внешне, и интеллектом да еще какой-то особой честностью. Это входило в противоречие с начальством. Хотя они тоже разделяли с Ростиславом коммунистическую мораль. Но делали себе небольшую скидку, как они говорил, поблажки на жизнь. Ростислав Николаевич не находил в себе снисходительности к ним и разделять их взглядов не мог, не понимал этого, не шел на компромисс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.